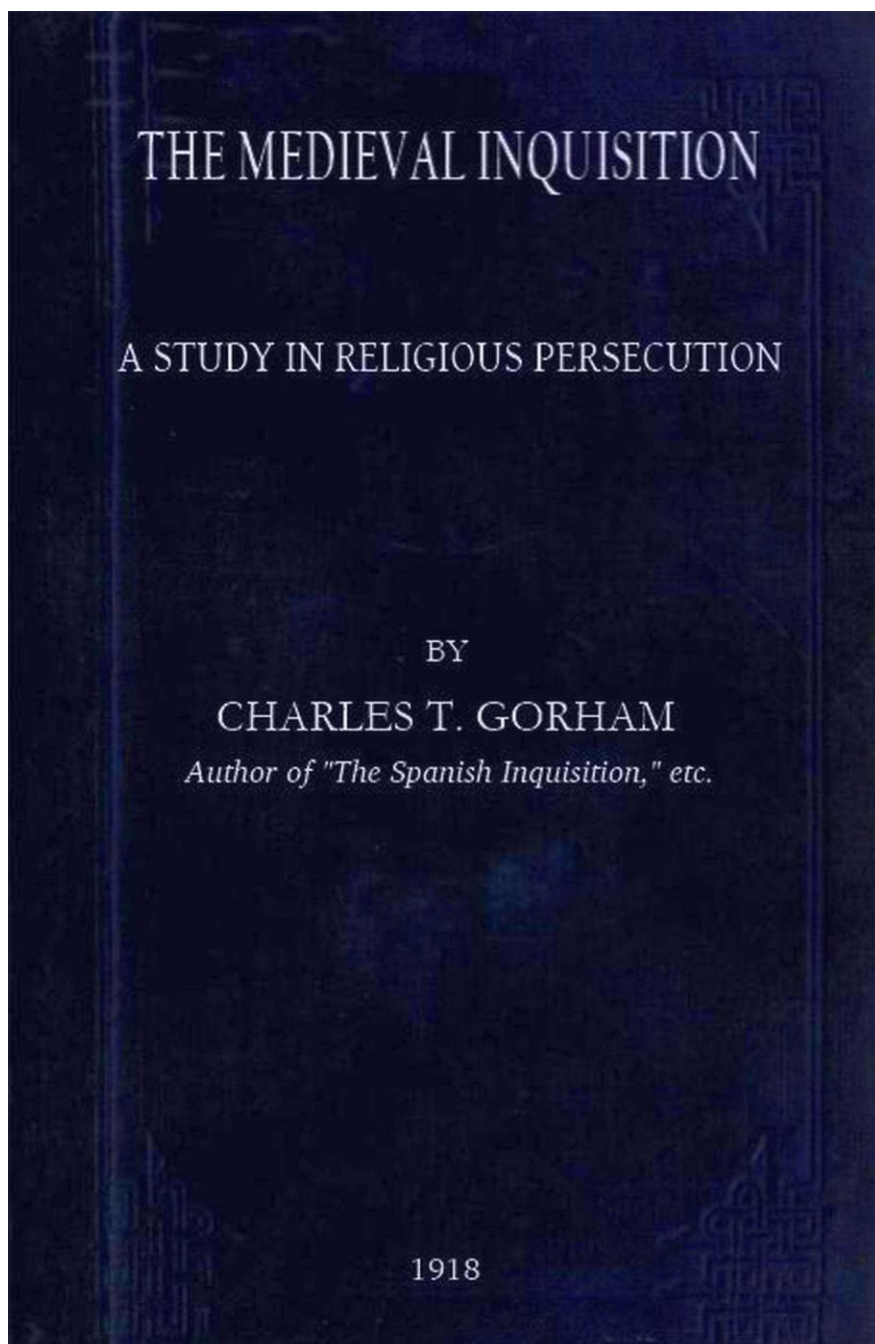

Средневековая инквизиция. Исследование религиозных преследований

Чарльз Т. Горхэм

The Project Gutenberg eBook of The medieval Inquisition: Исследование религиозных преследований

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Средневековая инквизиция: Исследование религиозных преследований

Автор: Чарльз Т. Горхэм

Дата выхода: 21 января 2023 года [eBook #69851]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: United Kingdom: Watts & Co, 1918

Кредиты: Брайан Коу, Изображение обложки книги было создано транскриптором и передано в общественное достояние, а также командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <https://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе изображений, предоставленных электронной библиотекой HathiTrust).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE MEDIEVAL INQUISITION: A STUDY IN RELIGIOUS PERSECUTION ***

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ

ЧАРЛЬЗ Т. ГОРХЭМ,

Автор книги "Испанская инквизиция", и др.

ИЗДАНО ДЛЯ АССОЦИАЦИИ НАЦИОНАЛИСТОВ, ЛИМИТЕД

Лондон:

WATTS & CO,

17 JOHNSONATM'S COURT, FLEET STREET, E.C.4

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕРКВИ

	СТРАНИЦА
Симония	7
Безбрачие клириков	12

Глава II

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ ХРИСТИАН

Религиозные преследования	27
---------------------------	----

Глава III

ОСНОВАНИЕ, КОНСТИТУЦИЯ И ПРАКТИКА ИНКВИЗИЦИИ

Инквизиторский метод	37
Доказательства	39
Защита	41
Приговор	42
Конфискация	45
Расслабление и ставка	47

Глава IV

КАК ИНКВИЗИЦИЯ ЗАХВАТИЛА ЕВРОПУ

Юг Франции	49
Северная Франция	54
Арагон и Кастилия	57
Италия	58
Босния	63
Германия	64
Богемия	68
Нидерланды	70
Духовные францисканцы	78

Глава V

РАЗНЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Политическая ересь	82
--------------------	----

Тамплиеры	83
Жанна д'Арк	85
Колдовство и магия	86
Интеллект и вера	94
Цензура книг	97
Греческая церковь	98
Индальгенции и симония	99

Глава VI

НЕЖНОЕ ИСКУССТВО ПОБЕЛКИ

Библиография	121
--------------	-----

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

ГЛАВА I

МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕРКВИ

Хотя о человеческой природе было сказано, что чем больше она меняется, тем больше остается прежней, все же верно, что в разные эпохи ею движут совершенно разные идеи. Страсти, лежащие в основе, одни и те же, но силы, вызывающие их, так сильно различаются, что иногда, как при рассмотрении истории Средневековья, кажется, что мы имеем дело с существами с другой планеты. Одной из самых мощных таких сил является религия; и, хотя предполагается, что религия в абстрактном смысле должна пробуждать все лучшее в человеческой природе, в прошлом она слишком часто взывала и стимулировала ее низменные элементы. Это зло отчасти объясняется ошибочным религиозным учением, но, вероятно, еще больше - упрямым несовершенством материала, над которым приходится работать религии. Подавляющее большинство людей даже сейчас не в состоянии оценить и исповедовать абсолютно чистую религию, и, вероятно, ни одна такая религия еще не прошла честного испытания. Догматические системы существуют в изобилии, но их нельзя отождествлять с религией. Одним из самых серьезных недостатков претензий исторического христианства было то, что, пренебрегая духом своих моральных предписаний, оно относилось к религии как к простой системе верований и соблюдения обрядов, что нанесло ущерб цели, которую оно должно было продвигать.

В двух отношениях организованное христианство было огромной ошибкой. Оно неправильно понимало природу предлагаемого им спасения, представляя его как спасение от бесконечных физических мук в другом состоянии существования вместо моральной победы в этом. Условием этого спасения она сделала предполагаемую правильность интеллектуальных убеждений, а не правильное поведение, что неизбежно привело к тому, что церемония узурпировала место добродетели, а религия стала вопросом внешним. А ее претензии на Божественное вдохновение и поддержку естественным образом привели к требованию послушания, настолько полного, что не осталось места для свободы мнений и умственного расширения. Претензия на Божественное вдохновение подразумевала существование духовной иерархии с постоянно растущими требованиями и постоянно увеличивающейся властью. Отказ подчиняться этим требованиям неизбежно подразумевал

неверие в лежащие в их основе доктрины, единственным выразителем которых являлась иерархия. Таким образом, любое мнение, отклоняющееся от санкционированного взгляда, становилось еретическим, а ересь, как нечестивое противостояние Божественной воле и всему доброму и истинному, заслуживала самого сурового подавления. Из этого догматического стандарта, который невежественные люди не могли подвергнуть сомнению, возникла та ужасная система религиозных преследований, которая покрыла организованное христианство несмываемым позором. В данном исследовании речь идет не об истинности или ложности теологических основ Церкви, а лишь об их последствиях. Общие условия Средневековья были такими, какими они были, эти последствия были в некотором смысле неизбежны, и моральное осуждение, которое должно быть вынесено средневековой церкви, относится не столько к отдельным людям, сколько к системе, которая их породила - системе, которая была несовместима не только с правами отдельных людей, но и с прогрессом человечества в цивилизации и счастье.

Каково же было моральное состояние в Средние века той организации, которая предъявляла эти экстравагантные претензии на верховенство? Нам, живущим в двадцатом веке, может показаться совершенно очевидным, что господство священников не могло способствовать улучшению нравов или знаний. Не давая людям думать, вы лишаете их возможности совершенствоваться. Они теряют желание совершенствоваться; они становятся неспособными к совершенствованию; они не знают и не заботятся об удовольствиях знания; они переходят в состояние, напоминающее животное. Можно ли предположить, что это не влияет на их нравственность? И класс, который выдвигает эти требования, становится таким же деградирующим. Эгоизм, невежество и жестокость становятся столь же заметными в пастырях, как и в стадах, которыми они должны руководить, с дополнительным пороком тиранического высокомерия, порожденного сословной привилегией и претензией на сверхчеловеческий авторитет.

Религиозные поборы привели к обнищанию народа и деморализации духовенства. После капитуляции короля Иоанна перед Папой Римским Англия была обескровлена в пользу иностранных церковников на сумму, втрое превышающую доходы короны. Во всей Европе отправление правосудия было шокирующе коррумпированным, и это не улучшилось благодаря папской практике выдачи грамот, разрешающих выполнение судебных функций любому, кто мог заплатить пошлину. Эти грамоты не только часто подделывались, но и беспринципным людям было легко притворяться, что они ими обладают, а опасность возражений была столь велика, что мало кто из жертв осмеливался оспаривать их действительность. В самом Риме существовала фабрика по производству этих интересных подделок; но, хотя она была пресечена Иннокентием III, практика продолжалась, и для людей последствия были одинаковыми независимо от того, были ли письма подлинными или фальшивыми. При такой системе неудивительно, что епископы обманывали свои собственные паствы без особого стеснения.

Отлучение налагалось за пустяковые проступки; но, как бы несправедливо это ни было, жертва должна была заплатить за примирение со святой церковью. Великолепные аббатства и соборы, являющиеся славой архитектуры, в некоторой степени были выражением религиозной веры, но еще больше - гордости духовенства, которое возводило их на деньги, собранные с бедных. Проповедничество почти полностью игнорировалось, и это стало одной из причин, по которой ересь стала грозной. Приходские священники не могли проповедовать без специального разрешения епископов, чьей прерогативой было проповедование и кто пренебрегал им, поскольку был поглощен мирскими заботами, удовольствиями и военными обязанностями. Лорд-епископ был прежде всего военным

человеком, особенно в тринадцатом веке. Рассказывают историю о епископе Бове, одном из самых безжалостных воинов за Христа, который, попав в плен к англичанам, пожаловался Папе, что его привилегии как церковного деятеля были нарушены. В ответ на протест Его Святейшества Ричард I послал ему почтовый плащ, в котором епископ был захвачен в плен, с вопросом из Писания: "Узнай, плащ ли это сына твоего или нет". ♦ Бенефиции открыто продавались или даровались детям - семь лет были минимальным возрастом, установленным некоторыми папами для священнодействия. Злоупотребления, выросшие из системы плюрализма, поборы, связанные с десятиной, исповедью, отпущением грехов, браками, похоронами, были бесконечны. Большая часть богатства Церкви была получена из наследства, которое страх перед адом побуждал умирающих оставлять после смерти или часто передавать при жизни.

В 1170 году был издан папский указ, согласно которому завещания считались недействительными, если они не были составлены в присутствии приходского священника; и нотариусы иногда отлучались от церкви за несоблюдение этого условия. Умершие также не избежали клерикальной власти. Было принято оставлять деньги в церкви на мессы за упокой души, а на похоронах приносить пожертвования. Труп принадлежал приходу, но священник часто лишался своих привилегий из-за того, что соседний монастырь уговаривал умирающего завещать ему свои останки. Отсюда возникали самые непристойные распри за обладание телом - соперничество, еще более осложнившееся с появлением орденов мендикантов и их ожесточенной борьбой за вознаграждение.

Еще большее социальное зло принесли иммунитеты от светского закона, которые удалось получить духовенству. Первое из них заключалось в том, что никчемные люди привлекались в церковь и творили, что хотели, под прикрытием ее привилегий. Злоумышленники обычно отстаивали права духовенства; церковь, в духе товарищества, достойного лучшего дела, так же регулярно вставала на их защиту. Преступность процветала, а общество страдало. Иннокентий III восстановил в должности епископа с исключительно плохим характером, который был заключен в тюрьму за мятеж против короля Дании, и постановил, что священники не могут быть арестованы мирянами и преданы епископскому суду даже в случае уличения их в грубых преступлениях. В таких условиях мирянам было практически невозможно добиться справедливости как в отношении преступлений против личности, так и против собственности. А поскольку духовенство было единственным образованным сословием, его возможности для эксплуатации народного невежества были богаты и использовались в полной мере.

Монастыри были плодом благих намерений, но, несмотря на периодические примеры обратного, вскоре деградировали до необычайной степени. Рим можно было легко подкупить, чтобы он предоставил освобождение от юрисдикции епископов, и свобода монахов и монахинь дегенерировала в самую грязную вольность. Обителями религии стали феодальные замки, в которых монахи жили так же разгульно, как и бароны, и вели частные войны с такой же жестокостью. Что касается женских монастырей, то многие из них, как известно, были не лучше борделей. При таком разнообразии развлечений неудивительно, что беззаконники находили в монастырской жизни благоприятное убежище; многие бароны-разбойники и многие преступники, временно уставшие от преступлений, находили безопасный и легкий способ удовлетворения своих необузданных страстей. Обязательства честности соблюдались так мало, что в самих монастырях обитатели должны были принимать особые меры предосторожности против воровства своих братьев, каждый монах должен был бдительно следить за своими ложками, посудой и постельным бельем. Святые бродяги, которые бродили по городу, продавая фальшивые реликвии и творя ложные

чудеса, стали настолько большой помехой, что их иногда убивали без пощады, когда обнаруживали в их частых преступлениях.

Система индульгенций, так тщательно разработанная церковью, дала самые разнообразные результаты по всей Европе. Дар церкви на смертном одре искупал дурную жизнь; считалось, что пустяковые религиозные обряды обеспечивают не только избавление от мук чистилища, но и прощение всех грехов, совершенных после крещения. Короче говоря, все грехи оправдывались на самых выгодных условиях, а вечное спасение приобреталось по цене пары сапог. Считалось, что кости или мертвые тела святых защищают верующих от всех бед и обеспечивают процветание; даже один взгляд на изображение святого Христофора предохранял человека от болезней или внезапной смерти до конца дня. Некоторые из верований, связанных с поклонением священной облатке, обнаруживают легкое верование, которое может быть вызвано только тщательно культивируемым невежеством. Образец облатки, помещенный в улей, чтобы предотвратить болезнь пчел, был так высоко оценен этими умными насекомыми, что они построили вокруг него небольшую часовню с окнами, крышей и колокольней, а внутри - алтарь, на который они благоговейно клали облатку. Женщина, которая раскрошила облатку над своей капустой, чтобы защитить ее от гусениц, была сразу же наказана неизлечимым параличом.

Симония.

Скандалы, связанные с продажей индульгенций, слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в описании, но повсеместное распространение симонии осознается в меньшей степени. Симония определяется как "дарение или получение, или намерение дать или получить что-либо мирское за что-либо духовное".^[1] Этот термин происходит от имени Симона Мага, который, как сказано в *Деяниях VIII*, 18, 19, предложил Святому Петру деньги за привилегию общения со Святым Духом. Это злоупотребление стало одним из величайших скандалов в Церкви, особенно в тринадцатом веке, и настолько глубоко укоренилось, что усилия понтификов-реформаторов, таких как Григорий VII, не принесли особых результатов. Менее совестливые папы были настолько отъявленными преступниками, что продажность папского двора стала нарицательной, а некоторые наместники Христа сколотили огромные личные состояния с помощью этих сомнительных средств.

Симония была ересью, подпадавшей под юрисдикцию инквизиции, и не могла бы долго процветать, если бы этот эффективный орган решил искоренить ее. Нет никаких сведений о том, что инквизиция когда-либо бралась за преследование симонии; это было слишком выгодно для Римской курии. Церковь от высших до низших слоев была заражена этим пороком: едва ли найдется церковь в христианстве, свободная от него, и папа Иоанн XXII разработал регулярную шкалу отпущений грехов для самых умеренных сборов. Чтобы оплатить расходы на солдат и строительство, Бонифаций XI однажды внезапно уволил всех прелатов своего двора и многих других, а затем продал их места самым высоким претендентам, в результате чего некоторые из изгнанных епископов скитались в состоянии голода. Новоназначенным прелатам безвозмездно пускали кровь, а если требования не выполнялись, они снова становились простыми священниками. Бонифаций назначал епископами тех, кто был готов платить наиболее щедро: архиепископства стоили от 60 000 до 80 000 флоринов. Однако одним из главных вопросов, обсуждавшихся в XIII веке, был вопрос о том, можно ли Папе Римскому заниматься симонией! Всем было известно, что многие папы действительно совершали преступление, последствия которого были далеко идущими. Если любовь к деньгам и не является корнем всех зол, то она является корнем многих, и ее последствия в сфере религии особенно плачевны. Папский двор наполнился целым роем церковников, жадных до преференций любыми способами. Получив его, они тут же

принимались за работу, чтобы возместить потраченное время и взятки, которые им приходилось давать, вымогая деньги у своих пасомых, полностью пренебрегая своими духовными обязанностями. При отправлении правосудия церковники за взятки оправдывали виновных, а против невиновных фабриковали обвинения, которые приходилось усугублять за деньги. Епископ, проживающий в своей епархии, был исключением, подтверждающим правило. Люди предпочитали жить под тиранией барона, а не под опасной защитой церкви.

Деньги были реальной квалификацией для служения Евангелию, поэтому священники, как правило, были столь же неграмотны, сколь и безнравственны. Они слоняются по тавернам и публичным домам, тратят время и силы на еду, питье и азартные игры; они ссорятся, дерутся, богохульствуют и спешат к алтарю из объятий своих наложниц".^{❖[2]} Высшее духовенство, которое могло легко купить освобождение, считало себя вправе предаваться любым излишествам; монахи были развратными и необузданными бродягами, тщательно избегавшими соблюдения своих обетов; монахи, претендовавшие на большую строгость, предавались всяческому плотским утехам; нравы в женских монастырях были таковы, что вступить в них было равносильно тому, чтобы стать публичной проституткой. Говорят, что один еврей убедился, что христианство должно быть от Бога, поскольку оно продолжало существовать, несмотря на нечестие духовенства. Видения святой Биргитты и горячие предостережения святой Екатерины Сиенской были бесплодны, чтобы остановить поток беззакония. Почти вся Церковь находилась в таком состоянии, и реформа изнутри была безнадежна, как утверждал в 1437 году один доминиканский епископ. Можно заподозрить преувеличение, но что преувеличить было не так-то просто, покажет следующий случай. В 1459 году в Аррасе в возрасте восьмидесяти лет умер Никез ле Вассер, каноник и глава капитула Арраса. У него были не только дочери и он совершил с ними кровосмешение, но и внучка, которую он имел от одной из них. Однако нравственное чувство церкви и народа было настолько притуплено, что, как нам рассказывают, это чудовище с *честью* справляло богослужение на всех праздниках и торжествах, и единственное замечание летописца заключается в том, что он делал это очень красиво. Когда в 1474 году весть о смерти Сикста IV была встречена в Риме с ликованием, люди говорили не столько о том, что он продавал бенефиции тому, кто больше заплатит, и о других способах вымогательства денег, сколько о том, как он вознаграждал мальчиков, служивших его противоестественным похотям, даруя им богатые епископства и архиепископства.^{❖[3]} Когда папу Александра VI упрекали в попустительстве преступности, он, как говорят, цинично ответил: "Бог не желает смерти грешника, но чтобы он заплатил и жил".^{❖[4]}

То, что церковь должна была сделать своей главной целью правильность веры (или, скорее, послушание ее авторитету), а чистоту жизни - второстепенным соображением, было связано с политикой религиозных преследований, которой систематически следовала инквизиция. За исключением источника доходов, преступность не имела большого значения. Добродетельные еретики уничтожались, а виновные ортодоксы освобождались от самых тяжких преступлений во имя Христа. Фламандский хронист сообщает в 1379 году, что невозможно описать повсеместное распространение лжесвидетельств, богохульств, прелюбодеяний, ссор, потасовок, убийств, насилий, воровства, грабежей, блуда, разврата, скупости, угнетения бедных, пьянство и подобные пороки, и он иллюстрирует свое заявление тем, что на территории Гента в течение десяти месяцев произошло не менее 1400 убийств, совершенных в бань, публичных домах, игорных домах, тавернах и других подобных местах.^{❖[5]} В итальянской церкви не было набожности, в мирянах - ни веры, ни морали. Раздоры заливали улицы кровью, дороги были перекрыты разбойниками, моря кишели пиратами. Родители с ликованием убивали своих детей, которые случайно оказывались в противоположной фракции.^{❖[6]} Гтнеас Сильвиус писал в 1453 году: "Когда бы я ни смотрел

на деяния князей или прелатов, я вижу, что все они потонули, все они ничего не стоят..... Казнь и ложь, и резня, и воровство, и прелюбодеяние распространены среди вас, и вы добавляете кровь к крови..... Нет стыда в преступлении, ибо вы грешите так открыто и бесстыдно, что, кажется, получаете от этого удовольствие.â€”[7]

Вопиющая безнравственность многих епископов и то, как часто они принимали участие в войнах, даже в грубые времена считались неподобающими для их профессии; но трудность добиться их наказания любым церковным судом была настолько велика, что в большинстве случаев преступники могли продолжать ступать по первоначальному пути оболыщения, не опасаясь возмездия. Самым страшным из этих клерикальных грабителей был архиепископ Безанский, которого в 1198 году обвинили в лжесвидетельстве, симонии и кровосмешении. Капитул предъявил ему официальное обвинение, но Папа, опираясь на евангельскую историю о женщине, взятой в прелюбодеянии, милосердно снял обвинение с предостережением. The hardened old sinner continued his gay career for sixteen years, but was at length driven from his see by the townspeople. Потребовалось десять лет, чтобы избавиться от другого прелата, епископа Тульского, а через несколько лет он был убит своим дядей в отместку за убийство. Любимой любовницей этого господина была его собственная дочь, мать которой была монахиней.

Каковы бы ни были причины такого ужасающего положения вещей, трудно примирить его с утверждением, что христианская церковь - это Божественный институт. Однако было бы неверно утверждать, что добродетели не существовало. Даже в Церкви были добрые и искренние люди, которые искренне старались остановить поток беззакония. А те, кого Церковь преследовала до смерти, намного превосходили ее в чистоте жизни. Несчастные гонимые еретики отличались безупречным поведением, необыкновенным трудолюбием, самопожертвованием и стойкостью, что послужило уроком для ортодоксов. Нетерпеливые и работающие мужчины и женщины - крестьяне, механики и тому подобные - неясно сознавали, что система общества ошибочна, что веления Бога извращены или игнорируются, что человечество способно более высокому развитию, если только оно сможет найти Божественную волю и следовать ей; Стремясь, каждый в своей скромной сфере, решить непостижимые и ужасные проблемы бытия, обеспечить в скорби свое собственное спасение и помочь своим товарищам в этом нелегком деле, эти забытые мученики истины черпали только в самих себе силу, которая позволила им решиться на мученическую смерть и вынести ее.â€”[8] Искренние и преданные служители Церкви, добродетельные и смиренные верующие из числа мирян были как капли в океане зла, и было распространено мнение, что в мире правит антихрист и что ужасный Судный день уже близок.

Безбрачие священнослужителей.

Великий вопрос о том, следует или не следует разрешать священникам жениться, вызывал глубочайшее волнение в Церкви на протяжении многих сотен лет. Уже в четвертом и пятом веках Церковь приняла отрицательное решение, но этот и многие другие более поздние запреты были сведены на нет свободой, которую она допускала на практике. Ранняя Церковь испытывала столь сильный ужас перед супружеским состоянием, что некоторые богословы серьезно сомневались в том, что спасение женатых людей находится в пределах возможностей Божественного замысла.

В XI веке Церкви удалось, после долгой и жестокой борьбы, принудить священство хотя бы к номинальному безбрачию, но не удалось улучшить церковную мораль. Поскольку безбрачная партия была более фанатичной и обычно применяла к женам священников термин "наложницы",â€” было нелегко отличить законные или *квазизаконные* союзы от

незаконных связей. Так или иначе, когда священники обнаруживали, что не могут жениться, они, как правило, без колебаний брали себе наложниц, а иногда и целую череду любовниц - обычай настолько общепризнанный, что мирянину, признавшемуся в незаконной любви, запрещалось называть имя своей неверной партнерши, поскольку это давало священнику возможность воспользоваться ее слабостью. Таким образом, на незаконные связи со стороны священников смотрели сквозь пальцы, а брак был запрещен - прекрасный пример того, как мошка проглатывает верблюда. Такое эксцентричное представление о морали привело к ужасным злоупотреблениям. Папа Александр II в 1064 году отказался лишить причастия священника, совершившего прелюбодеяние с женой своего отца, а чуть позже сократил срок епитимьи, наложенной на другого священника, уличенного в кровосмесительной связи с собственной матерью. Институт брака предоставлял священству вечные возможности для вымогательства денег. Самая отдаленная степень кровного родства оказывалась опасной, но изобретательность и наличность преодолевали трудности. Епископы не гнушались получать дань, известную как "куллагрум", , которая позволяла "целибатному" священнику утешать свои священные обязанности женой или наложницей. Эта проблема оставалась актуальной вплоть до XV века, поскольку человеческая природа оказалась столь же непокорной, как и прежде. Лишь в 1414 году она была окончательно решена Констанцским собором, причем жестких моралистов, составлявших конклав, сопровождала целая армия проституток. Попытка навязать безбрачие священнослужителям, а точнее, правило, требовавшее его соблюдения, стало главной причиной скандального состояния церковной морали в Средние века, о чем прямо говорит Ален Шартье, французский летописец начала XV века.

В те англосаксонские времена, в которые романтики открыли для себя богатство простой добродетели, церковное целомудрие имело множество прорех в своих доспехах. Саксонский летописец одиннадцатого века приписывает гибель королевства порокам духовенства, навлекшим на него гнев Божий. Для священников было обычным делом уходить от своих жен и жить в открытом прелюбодеянии с другими женщинами. Спустя столетие ситуация не изменилась: многие священнослужители имели по две жены и меняли их по своему усмотрению. Известен случай с аббатисой Эйвсбери, чье безрассудство при рождении трех детей обеспечило ей пожизненную пенсию, но превзошло распущенность ее монахинь, которые были уволены из "обители любви". Гиральдус Камбрэнсис сообщает, что почти все приходские священники в Англии и Уэльсе имели спутниц, которые в равной степени считались женами или наложницами. В Ирландии дела обстояли так же плохо, причем основная вина, естественно, возлагалась на менее виновных женщин. О положении дел в Шотландии можно судить по одному случаю, произошедшему в XVI веке. Некий приор, впоследствии епископ Морейский, однажды вел приятную беседу со своими джентльменами о количестве их любовниц и ликовал по поводу того, что, будучи самым молодым из присутствующих, он превзошел их всех. У него было двенадцать любовниц, семь из которых были женами других мужчин. Его достижения меркли перед достижениями кардинала Пьер-Леоне, который совершал свои визиты в качестве папского легата в сопровождении наложницы и своих детей, которые также были его сестрами.

Можно надеяться, что подобные ужасы были исключительными, но существует огромное количество свидетельств, доказывающих, что общество в целом, и клирический элемент в частности, находились в таком моральном состоянии, которое едва ли можно сравнить в истории. Французский писатель XIX века, аббат Хельсен, упоминает о "необычном обычае" , согласно которому, когда служанка священника "беременеет и не может быть спасена благоразумным отсутствием, он увольняет ее и берет другую, возможно, более молодую и привлекательную". [9] Во многих монастырях монахини предавались "самой

отвратительной развратности: те, кто был хорош собой, занимались проституцией по найму; те, кто не был столь удачлив, нанимали мужчин для удовлетворения своих страстей, а старшие выступали в роли сводниц".^{◆[10]} В Испании, по словам Пелайо, писателя XIV века, незаконнорожденных детей священников было почти столько же, сколько и мирян. Об Авиньоне Петрарка говорит, что "целомудрие было позором, а разврат - добродетелью".[◆] Престарелые священники были более мерзкими в своих злодеяниях, чем молодые, а при понтифике самые мерзкие преступления были развлечением. И Петрарка утверждает, что говорит лишь часть правды. Во всех европейских странах рассказывается одна и та же история. Подробности, касающиеся французского духовенства VIII века, "не подлежат публикации"[◆] в XX. В женских монастырях было распространено детоубийство, а священникам запрещалось иметь матерей, теток или сестер, живущих в их домах. Архидиакон Зальцбурга в 1175 году горько сетовал на то, что ему не удалось реформировать духовенство и предотвратить рукоположение священников, которые продолжали прелюбодействовать с чужими женами; а четыре века спустя немецкие прелаты подверглись энергичному нападению за то, что допустили такую мерзость, которая все еще существовала в Церкви. Они оправдывали себя, указывая на пример, подаваемый Папой Римским. Особо провинившийся испанский священник в 1535 году был обвинен в богохульстве, воровстве, мошенничестве, соращении, содержании борделя и других преступлениях. Он не остался безнаказанным. Он был оштрафован на два дуката, оплатил судебные издержки и уединился на тридцать дней! В 1538 году сенат Рима выступил с протестом против реформаторских усилий Пия V на том основании, что обязательное безбрачие священников сделает невозможным для граждан сохранение целомудрия своих жен и дочерей. В XII веке Питер Кантор и другие осуждали моральное превосходство мирян; то же самое говорилось в Англии еще во времена святого Дунстана, а Петиция нищих 1535 года показала, что эта аномалия все еще существует более четырехсот лет спустя.

Намекалось, что Церковь прилагала серьезные усилия для исправления своих собственных членов. Но это верно лишь в отношении ее авторитетных глав. Брак в лучшем случае имел привкус греха, его нарушение было пустяком, но исполнение религиозных обетов и обрядов было обязательством, которому должно было подчиняться все остальное. Для святого Петра Дамиани брак был "пустой и бессмысленной церемонией"[◆]; нерегулярное празднование мессы было "ужасным преступлением".[◆] Сексуальная распущенность была необходимым злом, имеющим гораздо меньшее значение, чем нарушение церковных законов. Добродетель действительно была опасна, когда женщин иногда сжигали за то, что они отказывались стать жертвами похоти священника.^[11] В 1801 году в трактате, опубликованном в Варшаве, утверждалось, что брак - это кровосмешение и раскол, а значит, хуже, чем простая распущенность.^[12] За шесть столетий до этого папа Григорий описал немецкую церковь как "погрязшую в распутстве, обжорстве и всякой мерзости",[◆] духовенство "постоянно совершает нечестие, которое мирянам было бы противно".^{◆[13]}

Но Церковь сделала все возможное, чтобы искоренить это зло! Она не сделала ничего подобного. Ее попытки исправить своих служителей были эпизодическими, озорно снисходительными и иногда неискренними. Священники, будучи людьми, по природе своей не были хуже других людей. Но они были частью системы, которая наделяла их всевозможными привилегиями и подвергала всевозможным искушениям. Епископ Лозанны, который в XIII веке попытался провести реформы, был вынужден спасаться бегством; другой епископ в Риме был убит. В Германии XV века епископ Падерборна в течение семи лет отчаянно пытался очистить монастыри. После различных попыток отравить его, он был вынужден отказаться от задачи, которую пример викария Христа сделал безнадежной. Аналогичные усилия, предпринятые святым Карлом Борромео в Милане, окончились

неудачей, и он едва избежал мученической смерти. В Англии попытка кардинала Вулси навязать реформаторскую буллу из Рима потерпела неудачу из-за известности его собственных пороков. Духовенство в глазах общественности было насквозь прогнившим; оно не только было безнравственным, но и выжимало из народа деньги, которые требовал от него Папа. В 1529 году в Палате лордов был принят законопроект о реформации духовенства, которое решительно выступило против него.

По словам декана Милмана, в тринадцатом веке разврат духовенства был распространен во всех основных европейских странах. В 1248 и 1249 годах на визитации архиепископа Руанского было обвинено значительное число церковников, но нежность Церкви довольствовалась легкими наказаниями или вообще не наказывала за серьезные преступления, в то время как за мнимые грехи еретика полагалась самая мучительная из всех форм смерти. Строгость архиепископа не распространялась и на худшие проступки низшего духовенства. Мильман рассказывает о случае с епископом Лиеге, который на публичном банкете похвастался, что менее чем за два года у него родилось четырнадцать детей.^[14] Рассказывают, что папа Иннокентий, когда был издан указ о том, что священники должны увольнять своих наложниц, приказал отменить это распоряжение, поскольку не было никакого греха в том, что делали все священники.^[15] В XIII веке Ратисбонский собор сетовал на нехватку священников, ведущих добропорядочную жизнь, а в 1832 году архиепископ Малина счел нужным обратиться с аналогичной жалобой.^[16]

Церковные громы были не только неэффективны, потому что высшее духовенство могло их избежать, но и причины их не могли даже в Средние века вызвать всеобщее одобрение. Грех осуждался скорее потому, что он нарушал таинство, чем потому, что он нарушал Божественный закон или наносил вред обществу. Некоторые каноны 1476 года протестовали против преступлений не из-за их порочности, а потому, что они могли лишить духовенство привилегии освобождения от юрисдикции епископов. Потасовка между тремя священниками из-за блудницы, произошедшая в доме с дурной славой, была осуждена не из-за ее позорного характера, а потому, что она произошла в Пепельную среду. Приставание священников к кающимся женщинам было серьезным делом для святых мужей, если оно совершалось во время исповеди, в противном случае это было пустяком. Удобнее было наказывать женщин. Уже в 1707 году Сорбонна постановила, что если женщина настаивает на доносе на провинившегося священника, то она совершает смертный грех. Обычно церковь утверждала, что личный характер священника не имеет ничего общего со святостью его сана - доктрина, которой недобросовестные люди воспользовались в полной мере. Так был выработан стандарт морали, который не имел никакого отношения к нравственной истине и легко поддавался извращению.

На протяжении многих сотен лет Церковь была открытой язвой, которая делала мысль преступлением, чистоту - эксцентричностью, а прогресс - мечтой. Из этой гнойной массы родилась, была распята и воскресла ересь.

ГЛАВА II

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ ХРИСТИАН

Ересь в Средние века в некоторых отношениях отличалась от ереси более ранних лет христианства. Она не ограничивалась учеными и теологами; она зарождалась в народе, который, бедный, угнетенный и беспомощный, тщетно обращался за помощью к Церкви. И, вместо того чтобы заниматься тонкими вопросами теологии, оно было вдохновлено главным

образом беззакониями церковного порядка. Простые люди инстинктивно чувствовали, что безнравственная жизнь несовместима с функцией наставлять их на путь праведности, и некоторые из них начинали интересоваться, действительно ли все, чему учит священство, истинно. Это была одна из причин, по которой жизнь еретиков обычно была чище, чем жизнь их притеснителей. Сильные мира сего преследовали еретиков; светские суды были суровы, церковные трибуналы - еще суровее; основной поток общественного мнения решительно выступал против любых нововведений в религии. Поэтому не следует думать, что еретик становился добровольным изгоем из любви к опасности или ради временного наслаждения греховными удовольствиями. Высшие авторитеты Церкви признавали, что ересь была вызвана, хотя и не оправдана, скандальной жизнью ее служителей. Уничтожая еретиков, Церковь должна была помнить, что главным виновником является она сама.

Острые споры о действенности мессы возникли примерно в середине XI века, и этом вопросе Церковь проявила некоторую нерешительность. Ее официальная доктрина гласила, что сила таинства не зависит от силы служителя. Однако папа Николай II утверждал обратное, и Римский синод принял канон, запрещающий присутствовать на мессе, которую совершает священник, известный своей распушенной моралью. Возрождение этого канона Григорием VII привело к большому замешательству, поскольку добродетельные священники были редким исключением. Против официальных взглядов последовательно протестовали еретики, но прошли сотни лет, прежде чем исповедание и поведение духовенства были приведены к некоему подобию согласия.

На юге Франции ересь, в основном манихейского или дуалистического толка, заняла прочные позиции, вероятно, потому, что большой прогресс, достигнутый там в цивилизации, способствовал независимости мышления и некоторому безразличию к претензиям сакральности. Святой Бернард (1060-1153), возможно, как и некоторые другие авторы, преувеличивал плохое состояние Церкви, но она, должно быть, была под облаками, когда он мог так писать о Тулузском округе: "Церкви без людей, люди без священников, священники без должного им почтения, а христиане без Христа". Люди умирают в своих грехах, и их души спешат к страшному трибуналу, не примиренные ни покаянием, ни Святым Причастием. Малыши Христа лишены жизни, поскольку им отказано в крещении. Голос одного еретика заглушает все те апостольские и пророческие голоса, которые в единстве призывали все народы в Церковь Христову. ♦[17] Еретики появлялись, основывали секты, процветали некоторое время и в конце концов умолкали. Генрих из Лозанны, Арнольд из Брешии и гораздо более влиятельный Петр Вальдо из Лиона, от которого пошла знаменитая секта вальденсов, утверждали, что право отпущения грехов принадлежит только добрым людям, что приемы грешных священников недействительны, что таинство покаяния не является прерогативой духовенства. Они отвергали индульгенции и трансубстанцию, запрещали все клятвы и все средства самозащиты и считали, что любая ложь является смертным грехом. Эти принципы привели бы Церковь к бедности и чистоте, что одинаково нежелательно. Большинство еретических сект придерживались столь строгих взглядов на сексуальные отношения, что, вероятно, обвинения в безнравственности, которые свободно выдвигались против них, имеют под собой очень мало оснований. В чрезвычайно свободную эпоху они, несомненно, не дотягивали до нравственного идеала, но, по крайней мере, были значительно ближе к нему, чем их преследователи. Инквизитор в следующих выражениях свидетельствует об их хорошем поведении: "Еретиков можно узнать по их обычаям и речи, потому что они скромны и хорошо воспитаны. Они не гордятся своей одеждой, которая не является ни дорогой, ни гнусной. Они не занимаются торговлей, чтобы избежать лжи, клятв и мошенничества, но живут своим трудом механика - их учителя - сапожники. Они не накапливают богатства, а довольствуются самым необходимым. Они справедливы, умеренны

в еде и питье. Они не посещают таверны, танцы и прочие суетные развлечения. Они сдерживают себя от гнева. Они всегда в работе; они учат и учатся, и поэтому мало молятся. [18] Эта удивительная чистота жизни обрушила на этих бедных людей всю ярость гонений. Добродетель была признаком ереси, и один священник, чьи увещания отучили женщин от тщеславных украшений, подвергся серьезному риску быть сожженным как еретик.

Система дуализма, известная как манихейство, своеобразная смесь восточных и христианских элементов, стала популярной благодаря влиянию катаров (чистых), которые, даже по свидетельству их врага святого Бернарда, вели добрую и безвредную жизнь. Церковь, однако, не признавала истинной ни одну религию, кроме своей собственной, и быстрый рост катаризма побудил ее к самым жестким действиям. По всей Европе еретики становились многочисленными и влиятельными, но именно на юге Франции, особенно на территории графов Тулузских, тлеющие угли разгорелись в пламя.

В 1178 году папа Александр III провозгласил первый крестовый поход против христиан, который закончился неудачей. В начале XIII века ситуация достигла кульминации. В своем обращении к Латеранскому собору Иннокентий III прямо заявил, что "развращение народа имеет своим главным источником духовенство"; но, будучи бесстрашным, он не решился попытаться очистить Авгиевы конюшни и выбрал более простой метод - попытаться избавить христианство от еретиков, нарушающих его спокойствие. Несмотря на активную миссионерскую деятельность, они жили со своими ортодоксальными соседями в терпимом и дружелюбном духе, что Церковь с горечью осуждала, считая это пагубным для своих исключительных притязаний. Папским эмиссарам удалось добиться от гражданских властей, а затем и от графа Тулузского, обещания изгнать еретиков; но обещания, как правило, оставались мертвой буквой, а о силе еретиков свидетельствует тот факт, что против епископа Каркассона, который был изгнан из города за то, что отчитал свою еретическую паству, были приняты меры. Угроза крестового похода и активная миссионерская деятельность также не увенчались успехом, и граф Раймонд VI Тулузский, один из самых могущественных князей Европы, был отлучен от церкви. Он заключил мир, и проклятие было снято; но он не понимал важности точки зрения папы и подчинялся ему как можно меньше. К сожалению, убийство в январе 1208 года папского легата Петра Кастленау дворянином из двора Раймонда дало Папе повод для более жестких действий. Раймонда обвинили в причастности к преступлению (вероятно, он был невиновен) и отлучили от церкви с большей торжественностью, чем прежде. Он покорился и, подвергнутый жестокой порке, был отпущен.

Это убийство стало одной из главных причин великого крестового похода, который церковь была намерена продолжать, хотя покорность графа лишила ее официального предлога. Страсти фанатиков и наемников были успешно опротестованы, и под яростным напором папских легатов началась самая ужасающая кампания в истории. Жителям Безье было предложено, что если главные еретики будут изгнаны или сдадутся, то город будет спасен. К особой чести жителей-католиков, которые жили в полном мире со своими еретиками, обе стороны сделали общее дело и отказались от условий, после чего в июле 1209 года город был взят штурмом, а около 20 000 жителей истреблены. В августе Каркассон, крепость огромной силы, был сдан крестоносной армии под командованием старшего Симона де Монфора, графа Лестера. К концу осени из рук еретиков было вырвано 500 городов и замков, и, посчитав свою задачу почти выполненной, несколько предводителей отступили, а армия сократилась до небольшого отряда, вынужденного поддерживать себя партизанскими боями.

Весной де Монфор получил подкрепление и захватил еще много городов, жителям которых предложили выбор: подчиниться Риму или сесть на кол. Сотни безвестных энтузиастов приняли героическую альтернативу, часто весело прыгая в пламя по собственному согласию. В мае 1211 года в Лавауре на одном огромном костре было сожжено до 400 еретиков, и о нравственных чувствах эпохи можно судить по тому, что это ужасное зрелище вызвало бурное ликование среди крестоносцев. Медлительность графа Раймонда в преследовании своих подданных не понравилась Церкви, и его призвали очистить себя от подозрений в пособничестве ереси и безоговорочно подчиниться требованиям Папы. Он явился в церковь Сен-Жиль в Тулузе со своими гарантиями в уверенной надежде на полное примирение, после чего ему сообщили, что, поскольку он не выполнил своих обещаний по искоренению ереси, его покорность не может быть принята. Тот факт, что обещания были даны ему насильно и что он не в силах выполнить их в полной мере, не был принят во внимание. Горькие слезы Раймонда, вместо того чтобы вызвать жалость, были расценены как еще одно доказательство его испорченности, а повторное унижение привело лишь к более суровым условиям. Его столица, Тулуза, была осаждена в 1211 году, но оказала столь энергичное сопротивление, что крестоносцы получили серьезный отпор, а на несчастного Раймона было наложено новое отлучение за "преследование" воинов Креста. Однако военные способности де Монфора принесли столько успехов, что вызвали тревогу Педро, короля Арагона; и папа, вспомнив, что Раймонд никогда не был судим и осужден, начал подозревать, что, возможно, в лишении его почти всей территории есть какая-то несправедливость. Его обещание, что граф (который был независимым принцем) получит справедливый суд, было нарушено, поскольку епископы написали бесчисленное количество писем, в которых рассказывали о пользе, которую уже принес крестовый поход, и призывали к его активному продолжению. В конце концов Педро объявил войну де Монфору, выступил на поддержку Раймонда и его друзей и осадил Мурету, расположенную в десяти милях от Тулузы. Здесь произошла битва, которая привела к катастрофическим последствиям для лучшего дела. Армия Педро была полностью разгромлена, потеряв от 15 000 до 20 000 человек, а силы де Монфора - всего двадцать. Если эти цифры верны, то это была одна из самых выдающихся побед в истории. Крестоносцы видели в своем триумфе видимый знак Божьего одобрения их дела, процветание которого росло с каждым днем. Новые полчища крестоносцев, жадные до грабежа, хлынули в прекрасные южные провинции; их завоевание завершилось в 1213 году; Раймонд был низложен, а де Монфор стал повелителем страны, причем территории в районе Рейна в Юго-Восточной Франции были сохранены церковью в пользу младшего Раймонда. Юноша, которому тогда было всего восемнадцать лет, отправился туда в 1216 году и был принят с восторгом. Весь юг Франции восстал, и пока де Монфор занимался его успешным усмирением, его внезапно отозвали на Запад, сообщив, что Тулуза снова восстала. Он начал вторую осаду со своей обычной энергией, но в один из летних дней 1218 года был убит камнем, брошенным из мангонеля, сработанного, как говорят, женщинами. Его завоевания пошли прахом в руках его неспособного сына Амаури, который через шесть лет после смерти отца передал все свои права королю Франции, и Раймон столкнулся с еще одним могущественным врагом. С папой он заключил условия, которые были равносильны полному подчинению. Но даже это не показалось Церкви достаточной компенсацией за его недостаточное рвение в преследовании ереси, и в 1226 году был организован еще один масштабный крестовый поход, якобы по религиозным, но все же больше по политическим причинам. Король Людовик VIII отправился на юг с большой и великолепной армией и осадил Авиньон. Удивленный силой сопротивления и плохо снабженный продовольствием, он уже собирался отказаться от осады, когда город капитулировал. Поход Людовика на Тулузу был прерван по неизвестным причинам, и он вышел из кампании, скончавшись от болезни в ноябре 1226 года по дороге домой.

В следующем году война продолжалась с переменным успехом, и к ее концу обе стороны стремились положить конец конфликту, длившемуся почти двадцать лет. Два года спустя Раймонд согласился на тяжелые и унижительные условия, которые предполагали потерю двух третей его великих владений, их возвращение королю Франции и клятву преследовать ересь в меру своих сил - уступки, вырванные у него из-за бедственного положения его королевства и его несчастного народа. Церкви был открыт путь к плодам победы, и инквизиция приступила к работе среди людей, которые так долго бросали ей вызов.

Религиозные преследования.

В какой степени дух гонений санкционируется Новым Заветом, определить не так-то просто. При всем уважении к его более мягким наставлениям, к сожалению, приходится констатировать, что отрывки, отражающие более чем оттенок нетерпимости, встречаются в Новом Завете довольно часто, а в Ветхом - очень много предписаний к крайней суровости. Было неизбежно, что в грубые века последние должны были оказывать более сильное влияние на поведение людей, чем первые, поскольку они более полно гармонировали с существующими тенденциями человеческой природы.

Пока христианство не стало государственной религией Римской империи, дух гонения причинял сравнительно мало вреда. Когда Церковь была слаба, она воспринимала благословения веротерпимости; когда Церковь стала могущественной, она считала веротерпимость греховной. Даже суровые эдикты Константина, похоже, не привели к большим гонениям, а те немногие случаи, которые имели место в четвертом веке, рассматривались как ужасающие новшества. Однако после этого систематическое подавление еретических мнений стало всеобщим и горячо поддерживалось даже самыми святыми врачами Церкви. Златоуст и Августин учили, что ересь должна быть подавлена, но не рекомендовали прибегать к смертной казни. Иероним искренне одобрял телесную смерть еретика ради вечного благополучия его души, а суровые законы Феодосия, несомненно, отражали общественное мнение, которое становилось все более жестким и опасным. Несколько любопытно, что вплоть до XII века инакомыслящие чаще совершались "ортодоксальными" толпами, чем церковными властями - факт, не свидетельствующий об эффективном воспитательном воздействии со стороны Церкви. Когда в Кельне в 1145 году, несмотря на противодействие духовенства, были сожжены несколько катаров, святой Бернард, утверждая, что они должны были быть побеждены разумом, с некоторой непоследовательностью процитировал высказывание святого Павла о том, что монарх является орудием гнева Божьего на того, кто творит зло.

Обязанности Церкви оставались неопределенными примерно до конца двенадцатого века. Неисчислимое зло, причиняемое некоторыми отрывками из книги, считающейся Божественной, иллюстрирует указ Луция III в 1184 году, который предписывал передавать еретиков светской руке для наказания и прямо цитировал Иоанна xv, 6, как авторитет для применения смерти через огонь. В нем "предписывалось, чтобы все властители принесли клятву перед своими епископами в полном объеме и эффективно исполнять церковные законы против ереси. Любой отказ или пренебрежение должны были караться отлучением от церкви, лишением сана и неспособностью занимать другие должности, а в случае городов они должны были быть отделены и лишены всякой возможности торговать с другими местами. Церковь, таким образом, стремилась принудить государя к гонениям. Она не слушала ни о милосердии, ни о целесообразности. Монарх держался за свою корону тем, что должен был искоренять ересь, следить за тем, чтобы законы были суровыми и неумолимо исполнялись. Любое колебание каралось отлучением от церкви, а если это оказывалось

неэффективным, его владения открывались для первого же смелого авантюриста, которого церковь снабжала армией для его свержения". ♦[19]

Сожжение заживо было впервые узаконено в 1197 году, но именно Альбигойский крестовый поход предоставил самую раннюю возможность в широких масштабах реализовать принцип религиозного преследования. Постепенно этот принцип был воплощен сначала в каноническом, а затем и в светском праве Европы. Инквизиция кодифицировала и свела различные постановления в логичную систему, которая, имея за спиной объединенный авторитет церкви и государства, стала непреодолимым двигателем терроризма и тирании.[20] Подавление ереси стало, по сути, первостепенной обязанностью каждого христианина в меру его сил. Неважно, кто был виновником - отец, сын, муж, жена или сестра, - каждый должен быть обличен в сокрытии ереси; оправданий быть не может. Абсолютным правилом было запрещение хранить веру вместе с еретиками. Как выразился Иннокентий III: "Согласно канонам, нельзя хранить веру с тем, кто не хранит веру с Богом". Поэтому никакая клятва тайны, , не была обязательной в вопросе ереси, ибо если человек верен еретику, то он неверен Богу. ♦[21]

Если учение такого рода вдалбливалось в невежественный и послушный народ, неудивительно, что народное предубеждение против религиозных новшеств было достаточно сильным, чтобы сделать жизнь в целом очень неприятной для любого, кто имел вкус к независимому мышлению. В наши дни все реформатские церкви дружно отрицают идею гонений, но Римская церковь по-прежнему признает своим величайшим авторитетом святого Фому Аквинского, чьи формулировки по этому вопросу предельно ясны. Для него ересь была величайшим из грехов, и ее пресечение было не просто оправдано - это был долг. Развратить веру - большее зло, чем испортить монету, и если казнят монетчиков, то тем более должны казнить еретиков. В своем великом милосердии Церковь прощает раскаявшегося еретика один раз, а может быть, и два; но если он согрешит снова, то не освобождается от смертной казни. Это стало устоявшейся политикой и неизменной практикой Церкви. Даже мертвому еретику не разрешалось христианское погребение, а если ему по ошибке оказывали такую милость, тело выкапывали и сжигали, а могила навсегда оставалась проклятым местом. Во времена невежества подобные вещи парализуют людей ужасом и делают их легкой добычей самых абсурдных и отвратительных суеверий. Этот всеобщий страх перед невидимым был умело и тщательно использован Церковью Христовой.

ГЛАВА III

ОСНОВАНИЕ, КОНСТИТУЦИЯ И ПРАКТИКА ИНКВИЗИЦИИ

Крайне сомнительно, что Доминик действительно основал инквизицию, ведь как организация она существовала только через десять лет после его смерти. Однако он был инквизитором во всех отношениях, кроме обладания всеми судебными полномочиями. На самом деле никакого формального основания Священной канцелярии не было; она просто постепенно выросла из социальных и религиозных условий начала XIII века. Оно также не было доверено исключительно доминиканскому ордену, но, поскольку этот орден был самым нетерпимым и самым ревностным в борьбе с ересью, его члены с самого начала были более тесно связаны с этим занятием.[22] Поручения часто возлагались и на францисканцев, но большинство первых инквизиторов были монахами-доминиканцами. Ревность и ссоры между двумя орденами, которые вызывали их святые труды, были настолько частыми, что служили источником скандалов в Церкви, которые грозили затянуться надолго.

Под церковной опекой в течение двенадцатого века в Европе в том, что выдавалось за религию, развился дух злобы, выходящий за рамки даже жестокого законодательства того времени. Раньше ересь выявлялась в основном с помощью испытаний, но они оказались ненадежными в плане результатов. Епископы, находящиеся под властью государства, обычно контролировали процесс, но теперь они стали неповоротливыми и вялыми, а их механизм заржавел. Папа Александр III в 1179 году "призвал государей применить силу оружия и защитить христианский народ от насилия [!] катаров", и "предложил индульгенции тем, кто совершит это благочестивое дело". [23] Декреты Луция III в 1184 году, если бы они были приведены в действие, могли бы привести к появлению епископальной, а не папской инквизиции. Правители не только были обязаны под присягой помогать Церкви в искоренении ереси, но и все прелаты были вынуждены посещать города и деревни, созывать народ и брать показания о наличии подозреваемых еретиков. Епископы, правда, в силу своей должности были еще и инквизиторами, [24] но настолько слабыми, что была признана необходимость в более строгой организации.

Таким образом, древнее гражданское и каноническое право легло в основу инквизиторской процедуры, а первыми выявителями ереси стали миряне каждой местности, с которыми впоследствии были связаны священники. По разным причинам епископы как единое целое не справлялись со своей задачей; требовались квалифицированные специалисты, и Церковь побуждала к действию как сила общественного мнения, так и логика ее догм. Руки Церкви были укреплены светским законодательством, которое признало гигантское зло, но не смогло бороться с ним энергично и единообразно. Под председательством папы Иннокентия III Латеранский собор 1215 года выработал ряд суровых правил, но не сумел добиться их последовательного исполнения. Поэтому с 1220 по 1239 год Рим разработал ряд постановлений, основанных на постановлениях Латеранского собора, которые представляли собой целую систему преследований. Главным из них стала булла Григория IX от 1231 года, согласно которой подозреваемые должны были доказать свою невиновность или лишиться гражданских прав. Даже таких пустяков, как бледное лицо, было достаточно, чтобы вызвать подозрение. Еретики должны были быть объявлены вне закона, а в случае осуждения - сожжены, все их имущество в таком случае конфисковывалось, а наследники лишались наследства. Их дома должны были быть разрушены и никогда не восстановлены. Свидетельства еретика не должны были приниматься в суде, *кроме как против другого еретика*. Все правители и магистраты должны были поклясться, но не в том, что они будут вершить правосудие, а в том, что они истребят всех еретиков. Земли дворян, благосклонно относившихся к неортодоксам, подлежали конфискации. Каждый мыслитель оказывался в постоянно зажатом углу. Отказ подчиниться церковной власти был величайшим из грехов. Папское рвение к реформам приняло своеобразную форму, когда была учреждена инквизиция.

Вся церковь с радостью приветствовала эти дикие законы, и вскоре они стали ужасной реальностью. Тот факт, что в том же году светская инквизиция была учреждена на Сицилии, показывает, что общественное мнение было слишком сильно, чтобы даже такой королевский вольнодумец, как Фридрих II, мог сопротивляться, хотя его и упрекали в том, что он иногда сжигал католиков вместо еретиков - не такая уж частая ошибка правосудия. Началом деятельности инквизиции можно считать комиссию, изданную в 1227 году. Ее тон и положения несколько неопределенны, но за короткое время она привела к отбору подходящих священников, которые должны были взять на себя обязанность выявлять и проверять еретиков, и это осталось постоянной чертой инквизиторской системы. В круглые отверстия вставлялись круглые колышки.

Однако в то время, похоже, мало кто задумывался о постоянной системе, которая должна была занять место юрисдикции епископов. Основа гонительного органа была более основательно определена на Нарбоннском соборе 1244 года, когда контроль над ересью был передан епископами инквизиции, с предусмотрительной оговоркой, что прелаты оставили за собой денежные результаты. Эта передача не везде была полной, так как даже после этой даты многие инквизиторы признавали власть епископских трибуналов, а в 1273 году Григорий X также признал их верховенство. Очевидно, Святая канцелярия долгое время рассматривалась как временная мера, и каждый папа возобновлял ее устав.

В мае 1252 года Иннокентий IV издал свою знаменитую буллу *Ad Extirpanda*, которая представляла собой полное изложение законов против ереси и устанавливала механизм ее выявления. В дополнение ко всем известным предписаниям в ней содержались дополнительные положения, обязывающие всех правителей объявлять еретиков вне закона и дающие право любому человеку захватывать подозреваемых и забирать их имущество (имея при этом право на долю в доходах). Такая бдительность вознаграждалась освобождением от государственной службы и свободой личных действий. Каждый, включая всех государственных чиновников, был обязан оказывать помощь; люди с хорошей репутацией должны были под присягой рассказать все, что они знают или подозревают о любом человеке в своем округе. Государство отвечало за поимку еретиков; ему предписывалось вершить над ними суд и пытаться тех, кто не признается и не выдаст своих сообщников. Списки подозреваемых должны были составляться и публично зачитываться три раза в год, а копии передаваться епископам, доминиканцам и францисканцам.

Положения этой буллы строго соблюдались, и о состоянии общественного мнения говорит тот факт, что она не вызвала эффективного сопротивления. Поздней буллой 1265 года папа Урбан IV подтвердил ее предписания и сделал инквизицию верховной во всех странах. В законе было провозглашено, что все законы, препятствующие деятельности инквизиции, не имеют юридической силы, а их авторы подлежат наказанию. Священная канцелярия получила свободу действий и не подлежала отлучению от церкви при исполнении своих священных обязанностей, а также подозрениям со стороны папского легата. В завершение Николай IV сделал комиссии инквизиторов бессрочными. Епископы не подлежали суду инквизиторов, но, тем не менее, должны были им подчиняться, и, хотя иногда они рассматривали дела о ереси в своих собственных судах, их заставляли допускать инквизитора к участию в вынесении приговора.

Народное чувство, правда, иногда восставало против этой тирании, но, поскольку любой, кто хоть как-то противостоял инквизиции, был тем самым отлучен от церкви, сопротивление легко и безжалостно подавлялось. Цепкая память и бессонная бдительность инквизиции выслеживали людей, которые за много лет до этого сказали доброе слово еретику или послали медяк больному, находившемуся под подозрением. Общественное доверие было разрушено всеобщим страхом, что неосторожное слово может погубить человека; что неизвестные ему истории могут распространяться о нем и дойти до ушей инквизиторов; что враг может тайно и безопасно удовлетворить старую обиду, пока, наконец, бедные несчастные не стали доносить на других, а не предавать себя.

Правилом инквизиции было то, что все показания должны записываться в присутствии двух беспристрастных лиц, не связанных с этим учреждением, но поклявшихся хранить абсолютную тайну. Этой предосторожностью правосудия вскоре пренебрегли, и громоздкие документы инквизиции стали считаться недостойными доверия. Во время некоторых восстаний против ее тирании население тщательно уничтожало записи, поскольку было

хорошо известно, что инквизиторы имели неприятную привычку обнаруживать среди них факты, вредящие тем, кому они хотели навредить.

Как будто сами инквизиторы были недостаточно опасны, им разрешалось нанимать целую свору прихлебателей, известных как Familiars (по приятной фикции они становились частью семьи), которым разрешалось носить оружие, запрещенное для обычных граждан, и которые обладали иммунитетом и полномочиями, которыми они злоупотребляли с максимальной свободой. В большинстве своем это был сброд неуправляемых грубиянов, которые выжимали деньги из людей под угрозой обвинения в ереси или препятствования инквизиции в выполнении ее благодетельных обязанностей. Любое ограничение численности этих негодяев вызывало возмущение как незаконное; но иногда, как в Венеции в 1450 году, государству удавалось сократить их число. Они были совершенно не нужны, поскольку Священная канцелярия могла прибегать к услугам государства, а также к помощи духовенства и гражданского населения.

В качестве меры предосторожности от судебных ошибок через нерегулярные промежутки времени проводились собрания, которые окончательно решали судьбу обвиняемых. На этих собраниях должны были присутствовать ученые епископы, чтобы давать инквизиторам свои советы, но они так мало ревностно относились к народным правам, что инквизитор стал представлять одного или нескольких епископов. Было сомнительно, что инквизиция должна подчиняться решению суда, и этот случай превратился в простую форму, в которой часто отсутствовало епископское сотрудничество. Иногда в тюрьме оставалось несколько приговоренных, и их время от времени добавляли, чтобы сделать *auto de fe* более впечатляющим. На одной из таких церемоний, состоявшейся в Тулузе в 1310 году, из 108 приговоренных 18 были сожжены заживо. В предыдущем году один несчастный решился на добровольную голодную смерть. У инквизиции был более эффективный ответ, чем насильственное кормление; ее приготовления были поспешными, и одинокая жертва была сожжена, подобный случай произошел четыре года спустя. Очень редко кому удавалось спастись бегством из лап Священной канцелярии. Его агенты были повсюду, его юрисдикция не имела границ, существовала полная сеть частной информации, и бегство было верной презумпцией виновности. Пятнадцатилетний мальчик, приговоренный после двух лет заключения к ношению крестов, обозначавших его наказание, в конце концов сбросил их и стал работать лодочником на Гаронне. Его обнаружили, потребовали явиться, а за неисполнение приговора отлучили от церкви и осудили как еретика в *ауто* 1319 года. Два года спустя он был арестован, бежал, был пойман и в конце концов приговорен к тюремному заключению на хлебе и воде. Его первоначальное преступление заключалось в том, что он, будучи еще мальчиком, "поклонился" еретика по приказу своего отца.

Инквизиторский метод.

Обязанностью инквизитора было выявление ереси, то есть выяснение тайных мыслей обвиняемого. Внешние поступки имели значение только в том случае, если они указывали на определенный склад ума. Эта задача была под силу только всезнанию, но инквизитор охотно брался за нее, предпочитая пожертвовать сотней невинных людей, чем позволить скрыться одному виновному. Гарантии правосудия были номинальными; считалось удобным с самого начала принять вину на себя. В светских судах существовало несколько положений, дававших обвиняемому слабый шанс добиться справедливости; но под давлением инквизиции они постепенно перестали действовать. Даже смерть не спасала от наказания, если речь шла о собственности преступника. В Ферраре епископ и инквизитор тридцать два

года препирались из-за останков еретика, а в 1313 году одна флорентийская семья оказалась жертвой обвинения, выдвинутого против предка, умершего шестьдесят три года назад.

Делячество было неотъемлемой и, безусловно, очень полезной чертой инквизиции. В 1254 году жительница Тулузы представила список из 169 инкриминируемых ей лиц, и все имена с адресами были тщательно записаны для последующего использования. Каждого из этих людей убеждали сообщить новые имена, и таким образом сеть инквизиции постоянно расширялась. Дать информацию против других было самым верным признаком раскаяния, и инквизиторы неустанно добивались этого. Для того чтобы добиться признания, использовались все возможные средства: если доброта обещала наилучшие результаты, ее проявляли; в камеру заключенного приходил посланец, призывая к признанию и обещая пощаду - с мысленной оговоркой, что суровость - самая верная милость для еретика. Иногда в темницу допускали жену и детей, чтобы они могли поработать над его чувствами. Иногда, чтобы сломить дух заключенного, использовалась длительная отсрочка; его судили, не выносили определенного приговора и оставляли в тюрьме, возможно, на долгие годы. Так, женщина, которая была заключена в тюрьму и исповедовалась в 1297 году, не была официально приговорена в течение тринадцати лет, а в Каркассоне мужчина сделал признание в 1321 году после тридцатилетнего заключения.

С другой стороны, если считалось, что необходимо ускорить раскаяние грешника, заключение становилось настолько суровым, что часто приводило к желаемому результату. В первой половине XIII века пытки применялись нечасто, но булла папы Иннокентия от 1252 года прямо разрешила светским властям использовать их для выявления ереси. Светские суды не спешили принимать этот метод, но его быстрое распространение Священной канцелярией показало, насколько он полезен. Хотя не часто упоминается в записях, различные признаки свидетельствуют о том, что его свободно использовали. Пыткам подвергались не только обвиняемые, но и свидетели, чьи показания казались сомнительными или неудовлетворительными; у инквизиции был изобретательный способ изготовления свидетелей: человека, признавшегося в собственном преступлении, рассматривали как свидетеля вины других, и под пытками заставляли выдать их. Признания, сделанные под пыткой, подлежали подтверждению; если они не подтверждались, а отрицались, обвиняемого считали упрямым нечестивцем и лжесвидетелем и передавали в руки светской власти.

Доказательства.

Леа замечает, что "само собой разумеющийся способ, с помощью которого правила, разрушающие все принципы справедливости, устанавливаются людьми, предположительно верными в обычных жизненных делах, дает полезный урок о силе фанатизма исказить интеллект самых остроумных людей". ♦ [25] Такие правила защиты обвиняемых систематически отменялись, и жизнь даже благочестивых католиков зависела от самых незначительных мелочей и формальностей. Было придумано новое преступление, названное "подозрением в ереси" ♦ , и сформулированы три степени этого преступления - легкое подозрение, яростное подозрение и жестокое подозрение, - все они давали широкий простор для инквизиторской изобретательности. Купец считал опасной вежливостью кланяться знакомым, которые, как ему казалось, были еретиками. Для доказательства ереси требовалось два свидетеля, но в крайнем случае хватало и одного, а если один свидетель отказывался от показаний в пользу обвиняемого, то его отказ аннулировал показания, а если первоначальные показания были против защиты, то отказ становился недействительным! Минимальный возраст свидетелей также подвергался колебаниям. По итальянскому

гражданскому праву он составлял двадцать лет, но Священная канцелярия не возражала против года или двух, и известен случай, когда показания десятилетнего мальчика были приняты против его собственной семьи и шестидесяти шести человек, слушавших еретическую проповедь за год до этого. Жены, дети и слуги не могли свидетельствовать в пользу обвиняемого; против него их показания принимались с готовностью. Единственное, что могло вывести свидетеля из строя, - это доказательство того, что он был движим смертельной враждой к обвиняемому; но поскольку обвиняемый оставался в неведении относительно личности свидетеля, доказать это было практически невозможно.

Свидетели редко отказывались давать показания. А если и отказывались, то камера пыток, как правило, заставляла их пересмотреть свое решение; в сущности, невезучий свидетель подвергался такому же большому риску, как и обвиняемый - знакомству с дыбой или шкивами. Тайна исповедальни также не имела особого значения, поскольку все священники были проинструктированы использовать все возможные средства для склонения к признанию в ереси, а результаты доводились до трибуналов разумным косвенным образом.

Все эти меры предосторожности, столь тщательные и эффективные, были сочтены недостаточными и дополнены инструкциями для инквизиторов, согласно которым для доказательства ереси требовалось меньше доказательств, чем для доказательства любого другого преступления. Венцом позора было сохранение в тайне имен свидетелей - особенность церковной процедуры, которой немного стыдились ее администраторы; но слабые протесты одного или двух соборов были проигнорированы. В качестве небольшой уступки правосудию обвиняемому, хотя и редко, показывали список имен, но не говорили, какие из них относятся к его делу; кроме того, иногда свидетеля приводили к присяге в присутствии обвиняемого, но *допрашивали его отдельно*. Иногда весь доказательств скрывался от обвиняемого, а если свидетель отказывался от своих показаний, этот факт не сообщался заинтересованной стороне. На практике было решено оставить все эти детали на усмотрение инквизиторов.

Можно только представить себе, какое поле открывала эта секретность для злословия, клеветы и лжесвидетельства. Серьезные злоупотребления, связанные с рассмотрением доказательств, были разоблачены в XIV веке самими добросовестными инквизиторами, и этот факт позволяет предположить, что ужасающее количество несправедливости осталось нераскрытым. Необычное правило, согласно которому лжесвидетель должен был быть наказан, но его показания оставались в силе, было развитием, которого можно было ожидать от организации, нацеленной на производство преступников. И поскольку это было достаточно безопасно, лжесвидетели, выступающие в качестве обвинения, отнюдь не были редкостью.

Защита.

Вся инквизиторская процедура была направлена на то, чтобы предоставить как можно меньше возможностей для эффективного ответа на обвинение в ереси. Инквизиторам было прямо предписано не заботиться о юридических формах, а добиваться признаний. В начале XIII века обвиняемому безвозмездно предоставлялся адвокат, но, поскольку юрист, на которого возлагалась эта деликатная обязанность, подвергался обвинению в ереси, если проявлял рвение в защиту своего клиента, эта должность стала мало востребованной, а польза - неопределимой. Со временем эта практика стала больше почитаться нарушением, чем соблюдением; а поскольку инквизиция могла лишить адвоката его бумаг и поставить его в опасное положение свидетеля, сомнительно, что его услуги имели большую ценность, да и вообще, во многих случаях они оказывались. Иногда было невозможно найти защитников, и

известны случаи, когда заключенные в отчаянии отказывались воспользоваться своим правом и потребовать копии доказательств против них. Тогда инквизиторы записывали в протокол, что привилегия была предложена и отклонена, без излишних подробностей о причинах. Отрицание обвинения в ереси или отказ признать свою вину влекли за собой наказание в виде пыток или костра. Если инквизиторы все же нарушали правила и подвергали себя опасности обжалования приговоров, то в их распоряжении имелись пособия, в которых их обучали многочисленным приемам и обманам, с помощью которых они могли избежать ответственности. Оправдательный приговор никогда не выносился: инквизиторы имели полное право объявить невиновным ни одного человека, поскольку всегда хотелось оставить лазейку для будущих разбирательств. Редкий вердикт, "Не доказано", ♦ был пределом, на который простиралось милосердие Святой канцелярии.

Приговор.

Как ни странно, но на самом деле инквизиция стремилась к спасению души грешника, а присвоение его имущества было делом второстепенным. Ее наказания были призваны смыть с грешника пятна смертной вины и таким образом подготовить его к будущему блаженству. Если предположить реальность этого состояния, то его наслаждения, несомненно, усилились бы по сравнению с земными переживаниями еретика. Однако точное состояние души трудно определить, поэтому считалось, что наказание тела является наиболее эффективным средством очищения. Поэтому Церковь в своей нежности не осуждала на смерть, а просто лишала защиты нераскаявшегося. Она не конфисковывала его имущество; все, что она делала, - это объявляла его виновным в преступлении, которое делало его неспособным владеть имуществом. Если он налагал штраф, то только потому, что вырученные средства должны были пойти на дела милосердия, которые, разумеется, включали в себя содержание его собственной организации. Окончательное распоряжение осужденным еретиком можно было смело отдать в руки послушной гражданской власти.

Церковь должна отдать должное своим добрым намерениям, хотя они порой оказывались странными. Почти всегда еретика доставалось катастрофически, но были и эпизоды мягкости, которые нелегко объяснить. Когда в конце XIII века был убит инквизитор, человеку, нанявшему убийц, просто приказали явиться к папе и покаяться. Даже пренебрежение этим требованием не было хуже, чем мягкий приказ арестовать его, если он будет найден. Мы еще не раз встретимся с подобным необъяснимым милосердием.

Легкими наказаниями, налагаемыми инквизицией, были молитвы, посещение церкви, дисциплина, посты, паломничества и штрафы. В качестве наказаний эти епитимьи не кажутся чрезмерными, но, истолкованные по гибкому усмотрению Священной канцелярии, они могли сделать кающегося крайне неудобным, а когда несколько из них были объединены в одно наказание, жизнь становилась тяжелым бременем. Во время длительного паломничества семья человека могла голодать. В 1322 году паломничество было наложено на трех мужчин, которые почти за двадцать лет до этого видели вальденсов в доме своего отца, не зная, что те были еретиками. Штрафы, естественно, давали возможность для вымогательства, от которого могли воздержаться только исключительные люди. Как уже говорилось, инквизиция присваивала имущество всех осужденных за ересь. Один человек, умерший в 1252 году, не дожив до пятилетнего паломничества, оставил после себя наследство в двадцать ливров, и инквизиторы немедленно потребовали всю эту огромную сумму. Залог стал просто другим словом для взятки, а вымогательство превратилось в систему, до предела эксплуатируемую людьми, которые не спали в поисках грабежа.

Вторым видом покаяния было обязательное ношение желтых крестов, пришитых к одежде в знак того, что их обладатель осужден за ересь. Этот знак, соответствующий общепринятому в Испании *san benito*, был настолько позорным, что постоянно предпринимались попытки избежать его; но хотя по особым причинам иногда давалось разрешение обойтись без него, обычно на нем настаивали, и скрыться от бдительного ока инквизиции было невозможно.

Покаяние становилось гораздо более суровым в третьей степени, которая заключалась в пожизненном заключении. Всеобъемлющему наказанию такого рода подвергался каждый, кто не являлся в установленный эдиктом Благодати срок, не признавался в собственных грехах и не обличал других. Тулузская инквизиция в период с 1246 по 1248 год зарегистрировала 192 случая, из которых 127 были связаны с вечным заключением, 6 - с десятилетним, 16 - с неопределенным сроком по усмотрению церкви, а остальные 43 - с отсутствующими. Нарбоннский собор 1244 года установил неизменное пожизненное заключение. Заключение было одиночным, рацион состоял из хлеба и воды, а в более суровых случаях кающегося приковывали за ноги, иногда и за руки, а в крайних случаях - к стене темного, шумного подземелья. Неудивительно, что узники не достигали зеленой старости.

Инквизиция оставляла за собой право по своему усмотрению смягчать или вновь назначать наказания. Этим правом часто пользовались, особенно в отношении ношения крестов; но редко когда заключенный находил свое наказание более легким. Если ему выпадала необычная удача быть освобожденным, то за малейшее упущение он мог быть наказан снова, и на этот раз без милосердия и без формальностей нового суда. Каждая жертва, от которой отказывалась Святая канцелярия, была "билетом на свободу", в любой момент могущим привести к полному краху. Он никогда не мог быть уверен, что что-то не обнаружится, возможно, юношеская неосторожность его деда, которая потребует его появления перед грозным Трибуналом, или что за какой-то неосторожный поступок или выражение он не окажется под самым действенным из всех отлучений - отлучением Святой Инквизиции.

Конфискация.

Указом Иннокентия III в 1215 году и буллой Иннокентия IV в 1252 году конфискация имущества еретиков и их детей была признана необходимым наказанием, и все временные правители должны были приводить ее в исполнение. Из вырученных средств одна треть должна была идти государству, одна треть - папству и одна треть - инквизиции. Каждая сторона, разумеется, пыталась обмануть другую; но хитрые инквизиторы почти неизменно получали львиную долю добычи, которая номинально, во всяком случае, шла на реализацию их собственного метода распространения Евангелия. Между ними жертва имела столько же шансов на спасение, сколько мышь в ловушке. Церковь с некоторым трудом добилась санкции государства на конфискацию, но ей это удалось.

Еретику не разрешалось отчуждать свое имущество, но если ему удавалось это сделать, сделка считалась недействительной; и даже если имущество переходило через несколько рук, последний владелец с радостью лишался его. Поскольку долги, причитающиеся еретикам, и ценные бумаги, выданные ими под займы, также были недействительны, ведение бизнеса стало практически невозможным. Многочисленные жалобы на алчность инквизиции свидетельствуют о том, что ни один владелец имущества не чувствовал себя в безопасности. Нелегко понять, как могло сохраниться общество, когда сознательно давал

толчок мошенничеству, зависти, ссорам, тяжбам, коммерческой анархии и домашнему несчастью. Возможно, первоначальным мотивом безрассудства было религиозное рвение, но когда преследование становится платной заботой, бразды правления отдаются жадности и несправедливости всех мыслимых видов.

Венеция выступила против церковной коррупции и в 1289 году постановила, что все доходы от конфискации должны поступать в доход государства; во второй половине XV века Пьемонт принял аналогичный курс, разрешив инквизиции оплачивать только свои расходы.

Еще одним злоупотреблением было то, что с самого начала своей карьеры инквизиция часто проводила конфискации до того, как обвиняемый был осужден, а иногда и до того, как он признался. В 1319 году на юге Франции был вынесен приговор человеку, обвиненному в 1284 году, а в 1301 году чиновники уже ссорились из-за его имущества. Эти законные грабежи проводились с неумолимой жестокостью, изымалось все до последнего пенни. При аресте по подозрению в ереси Святая канцелярия завладевала имуществом человека, обещая, что если обвинение не будет доказано (что случалось редко), то часть имущества будет возвращена для содержания семьи. Тем временем семью выставляли на улицу, чтобы она голодала или жила на милостыню, которую могла получить. Случай с одним тайным еретиком, Герардо, богатым дворянином Флоренции и консулом города, был неудачным. Между шестьдесятю и семьюдесятью годами после его смерти городской инквизитор начал успешное гонение на его память, и одиннадцать его потомков, которые не были еретиками, были включены в осуждение и, предположительно, доведены до нищеты.

Именно конфискации поддерживали жизнь религиозных преследований, потому что еретиков изобретательно заставляли предоставлять средства для собственного уничтожения, и когда все еретики были уничтожены, чахлое состояние Священной канцелярии стало вызывать реальное беспокойство у тех, кто хорошо зарабатывал на этом. Конфискация имущества за мнимое преступление была одним из самых эффективных средств разрушения цивилизации, и странно, что Рим не увидел ошибки своего пути, когда страны, в которых не было инквизиции, росли в процветании и счастье.

Расслабление и ставка.

Можно предположить, что послабление означало либо освобождение из-под стражи, либо смягчение наказания. Однако Святая канцелярия превзошла словесные условности и определила, что этот термин означает, что обвиняемый после вынесения приговора должен быть передан гражданским властям. Столь же хорошо было понятно, что обязанность гражданской власти - сжечь его заживо. Осужденного передавали магистратам с мольбой о пощаде, которая, как все знали, была прозрачным лицемерием. Церковь несла главную ответственность за эти свирепые законы и настаивала на их исполнении, спасая свою совесть публичным заявлением о том, что она больше не имеет к этому делу никакого отношения. Папа Бонифаций VIII закрепил в Каноническом праве жесткие инструкции по наказанию осужденных инквизицией, а всех магистратов, которые не выполняли эти инструкции, предупреждал, чтобы они говорили о наказании лишь в общих чертах, хотя единственным наказанием за упрямую ересь, признанную церковью, была смерть от огня. Обычно гражданские власти достаточно охотно выполняли предписания Церкви, но иногда они подавали протесты, и послабления не всегда приравнивались к смерти. Зафиксировано несколько таких протестов, но они были отклонены, и судьи исполнили свой долг. Под влиянием учения Церкви лучшие люди того времени рассматривали ересь как явное преступление, а сожжение еретиков - как акт праведности.

Мнимые и насильственные обращения были многочисленны и приводили к большому количеству рецидивов, которые карались безжалостно, хотя и не всегда сожжением. Определение рецидива становилось все более сложным, и некоторые инквизиторы были не склонны подводить под эту категорию любой пустяк. Бернар де Ко и его преемник Жан де Сен-Пьер обычно приговаривали к тюремному заключению, а последний часто протестовал против безразборных сожжений, которым подвергали гражданские власти Тулузы. Действительно, примечательно, что сожжения не были более многочисленными. Так, Бернар Ги, знаменитый тулузский инквизитор, утверждает, что в период с 1308 по 1328 год он предал смерти 637 еретиков. Однако, судя по записям, эта цифра отражает общее количество вынесенных им приговоров; из них только 40 были приговорами к костру живых людей, а еще 67 - тех, кто уже умер и поэтому не был лично заинтересован в разбирательстве. Очевидно, что главные усилия инквизиторов были направлены на выбивание признаний, с конфискацией имущества, а не на создание множества мучеников; случайные кремации были лишь спасительным примером. Церковь не замедлила воспользоваться опытом инквизиции, и ее духовные суды быстро расширили применение пыток и других методов убеждения. Вероятно, еще более пагубное влияние было оказано на гражданское право Европы, возросшая суровость и вопиющая несправедливость которого во многом объясняются влиянием Священной канцелярии.

ГЛАВА IV

КАК ИНКВИЗИЦИЯ ЗАХВАТИЛА ЕВРОПУ

Юг Франции.

На юге Франции инквизиции предстояла нелегкая работа. Здесь было много ереси, но также было много сочувствующих ей людей. Репрессивные силы Церкви не были до конца организованы, духовенство было непопулярно, епископы смотрели на инквизицию с завистью, а папские приказы помогать инквизиторам часто не исполнялись. Однако доминиканское священство пылало рвением и сумело настолько разжечь народные чувства, что могло совершать серьезные акты преследования без протеста епископа. В 1233 году в Тулузе была создана печально известная инквизиция, и, хотя в течение нескольких лет епископы сохраняли свою высшую юрисдикцию, инквизиторы использовали любую возможность, чтобы пренебречь ею и действовать самостоятельно. В 1234 году произошел возмутительный случай, когда умирающая женщина призналась в своей ереси епископу Тулузы под впечатлением от того, что он был епископом-еретиком. Ее унесли на кровати и сожгли, а епископ смог вернуться к прерванному ужину и вознести благодарность Богу за свое достижение.

Народные настроения не раз выливались в восстания и беспорядки, особенно в Альби и Тулузе, но имели лишь временный эффект, хотя в 1234 году в Нарбонне разразилась гражданская война, продолжавшаяся три года. Граф Раймонд Тулузский (седьмой по счету), как и его предшественник, оказался в очень сложном положении между гонимой церковью и разгневанным народом. Его безразличие к религии грозило ему обвинениями в ереси, и, поскольку жизнь была невыносима в условиях постоянной вражды с Церковью, он был вынужден преследовать свой собственный народ, а его природная медлительность в этом неприятном деле обеспечивала ему множество неприятностей. В то время фанатизм был менее окрашен финансовой алчностью, чем впоследствии; гонители были в основном хорошими людьми, искренность которых делает более рельефными ужасающие результаты их действий.

Примерно к 1237 году инквизиция установила определенное господство над епископами и привела охваченный ужасом народ к повиновению, чему в немалой степени способствовало обращение Раймонда Гроса, одного из лидеров еретиков. Казнь 180 катаров в Монтвимере, состоявшаяся два года спустя, нанесла еретической секте удар, от которого она так и не оправилась. Графу Раймонду, правда, удалось добиться приостановки инквизиции в своих владениях на три года, в течение которых его народ мог хотя бы дышать; но к 1241 году инквизиторы, зная о халатности епископов и подчеркивая Риму растущую силу ереси, смогли возобновить активные преследования. В том году умер папа Григорий IX, один из главных основателей инквизиции, и в течение двух лет папский престол был практически вакантен. Однако у инквизиции было достаточно полномочий, чтобы активно действовать, а о том, что она это делала, свидетельствует большое количество приговоров и скорость, с которой был составлен список преступников. В небольшом городке Монтобан за одну неделю мая 1242 года за ересь было осуждено не менее 252 человек - явное свидетельство того, что зараза была всеобщей. Наказания в основном были покаянными, но некоторые из них включали в себя настоящие тяжелые суда. Три паломничества - одно из 500 миль - за то, что человек ел за одним столом с еретиками, были суровой расплатой за дружеский поступок и свидетельствовали о необходимости тщательно выбирать себе компанию. Эти суровые наказания стали настолько частыми, что некоторые местности почти обезлюдели.

За резней целого трибунала инквизиторов и их приближенных в 1242 году в замке в окрестностях Тулузы последовала война, в которой граф Раймонд потерпел поражение; его примирение с Церковью ознаменовало триумф инквизиции. Решительная группа еретиков бросилась в крепкий замок Мон-Сегюр и продержалась до 1244 года, когда он был захвачен вероломством, а 205 мужчин и женщин брошены в огонь. Энергичные труды инквизиторов охватили половину Лангедока, и за два года было рассмотрено несколько тысяч дел о ереси. Граф Раймонд, который во второй половине своей жизни стал энергичным гонителем, умер в 1249 году, и инквизиция, избавленная от своего сомнительного союзника, в течение следующих двадцати лет переживала счастливое время. Затем последовал более беспокойный период, поскольку с уменьшением власти крупных вельмож, таких как графы Тулузы и Фуа, власть короны укрепилась, и люди стали обращаться к ней за облегчением от невыносимой тирании инквизиции. Против ее тайного и произвольного влияния выступали не только еретики, но и добропорядочные католики, которые понимали, что разоряют землю, и чья гуманность была возмущена постоянным применением пыток. Обладая высочайшей концентрацией целей, инквизиция держалась до тех пор, пока в 1291 году Филипп ле Бель, король Франции, не приказал своим чиновникам не подчиняться приказам инквизиторов, за исключением случаев признания в ереси. Под угрозой отлучения Филипп пришел к соглашению с Папой, которое продлилось два года, когда ссора разгорелась вновь, и инквизиция Каркассона была вынуждена приостановить свою деятельность на три месяца.

В 1300 году произошел случай, который иллюстрирует власть инквизиции. Папа Бонифаций VIII поклялся сжечь всех жителей Каркассона за то, что один из его граждан отказался дать взятку папскому кардиналу при подаче жалобы. Гастель Фабр, отец этого человека, умерший в 1278 году, был объявлен еретиком (считается, что документы подделаны); безрезультатно была подана апелляция, но имущества этого человека были конфискованы, а в 1329 году кости его жены были эксгумированы мстительной инквизицией. Острые разногласия, возникшие в начале века между францисканцами и доминиканцами, привели к тому, что полномочия инквизиции были в некоторой степени урезаны, что привело к ослаблению преследований, которое оказалось лишь временным. Более решительные меры были приняты в 1308 году, когда папа Климент V и его кардиналы вынесли решение против Священной канцелярии, которая считалась ответственной за плохое состояние юга Франции.

Некоторые реформы были намечены Вьеннским собором в 1312 году, особенно в отношении применения пыток, улучшения отвратительных темниц инквизиции и поведения ее чиновников; но наложенные ограничения были обойдены с обычной изобретательностью и вскоре стали мертвой буквой. С приходом на папскую кафедру Иоанна XXII дела у инквизиции пошли легче. В 1319 году уважаемый францисканец Бернар Делисье, единственный человек, осмелившийся выступить против Священной канцелярии, был предан суду по многочисленным обвинениям, подвергнут пыткам, несмотря на свой преклонный возраст, и приговорен к лишению сана и пожизненному заключению в кандалах, с питанием из хлеба и воды, в тюрьме Каркассона. В условиях такой жестокости его смерть через несколько месяцев избавила инквизицию от грозного врага.

Реакция развивалась стремительно. Города, боровшиеся с инквизицией, были приведены к покорности и публичному покаянию в 1319 году, и гонители наконец-то смогли пожинать плоды своей победы. Лидеры катаров были отправлены на кол, и ересь практически исчезла. Ее судьба была не совсем незаслуженной, но деятельность, которая привела к этому, должна быть полностью осуждена. Она распространяла странную смесь доктрин, антиобщественный эффект которых не был до конца осознан их сторонниками, хотя церковь с самого начала понимала, как пострадают ее привилегии, если народу будет предоставлена свобода мысли.

В этой прекрасной, солнечной стране Лангедока энергичный и патриотичный народ создал цивилизацию с великолепными перспективами, которая далеко опередила свою эпоху в развитии гражданской активности, промышленности, искусства и науки. К несчастью для них, их цивилизация не была церковной, и церковь посчитала, что у нее есть законная причина для недовольства. Инквизиция оставила Лангедок в руинах; она нашла сад и превратила его в пустыню. Она обрушилась на счастливые дома и оставила их в запустении и скорби. Внешнее единство веры было достигнуто, но вместе с ним произошло и моральное разложение Церкви. Благодаря беспринципному, систематическому и длительному злоупотреблению властью она одержала победу, злые последствия которой не искупить никаким покаянием.

Движущийся палец пишет; и, написав,
двигается дальше: ни благочестие, ни остроумие
Не заставят его вернуться и отменить полстроки,
И все ваши слезы не смоют ни одного слова.

Единственным хорошим результатом деятельности инквизиции стал тот, который она никогда не планировала. В своей жадности к деньгам она забыла о не менее жадном и гораздо более достойном сопернике. Корона, видя, насколько выгодным стало преследование, в конце концов воспользовалась правом, когда у нее была власть, забирать доходы, и использовала для более полезных целей конфискацию имущества еретиков. Поместья разорившегося дворянства перешли в руки королевских чиновников, а Святая канцелярия невольно способствовала укреплению светской власти, которая в конце концов свела ее на нет.

Северная Франция.

В 1233 году безжалостный доминиканский фанатик по имени монах Роберт был назначен инквизитором Западной Бургундии. Этот безумный фанатик пронесся по северу Франции, сжигая огромное количество людей. Его бесчинства стали настолько известны, что через

несколько лет его полномочия были отозваны, и остаток своих дней он провел в тюрьме. Гонения не были сильно ослаблены, поскольку интенсивность всеобщего чувства против ереси была такова, что даже Людовик IX Святой заявил, что единственный аргумент, который можно использовать с еретиком, - это пронзить его мечом по самую рукоять. В руках доминиканцев гонения продолжались по всей Франции, которая тогда была гораздо меньше, чем сейчас, и рвение ортодоксов часто стимулировалось папскими буллами, призывавшими к большей решительности. Мильман рассказывает о страшном происшествии, случившемся в 1239 году, но не уточняет, что оно произошло по приказу инквизиции. В присутствии архиепископа Реймского, семнадцати епископов и 100 000 человек не менее 183 манихеев были сожжены за городом Реймсом, и все они погибли без страха.^[26] Право убежища в церквях было отнято у еретиков в 1281 году папой Мартином IV.

Однако только в 1310 году во Франции состоялось первое официальное сожжение заживо инквизицией. Манихейский холокост, достаточно формальный в практическом смысле, был, по-видимому, нерегулярным. 30 мая того же года женщина, пропагандировавшая свободную любовь и другие ереси, умерла на костре с такой преданностью, что зрители были тронуты до слез. Секта, к которой она принадлежала, "Братья свободного духа", принесла немало жертв в течение нескольких последующих лет, когда инквизиция достигла пика своего могущества. Но с ростом и укреплением власти короны инквизиция была поглощена светскими судами и стала не более чем департаментом государства. Ее сравнительное бессилие стало еще более ощутимым после переноса Святого престола из Рима в Авиньон и Великого раскола (1378-1447), который потряс папство до основания. Войны с англичанами, которые в то время были столь частыми и продолжительными, также сделали условия неблагоприятными для инквизиции, лишив ее королевской стипендии, и Парижский университет в значительной степени занял ее место в качестве следователя по делам о ереси. По окончании войн папа Николай V в 1451 году предпринял попытку возродить и усилить активность преследований, но без постоянного успеха. Святая канцелярия настолько утратила связь с духом времени, что часто выдаваемые специальным инквизиторам "бродячие" поручения также не смогли восстановить авторитет этого учреждения. Жители Лиона в 1458 году даже осмелились бросить своего инквизитора в тюрьму, и лишь с трудом его удалось освободить. Несколько лет спустя Жан Лайе, священник из Парижа, свободно высказал свое мнение о духовенстве, и инквизиция не сочла себя достаточно сильной, чтобы сжечь его. Два других священника, которые во время мессы бросили на пол и растоптали Святыню, совершили непростительное преступление и должным образом пострадали на костре.

На юге Франции вальденсы оставались влиятельными в XIV веке, даже после ужасных гонений, через которые они прошли. Самым неприятным из их догматов, по-видимому, было небезосновательное утверждение, что таинства не имеют ценности, если совершаются грешными священниками. Чтобы искоренить эту своеобразную ересь, папа Григорий XI в 1375 году предпринял энергичные усилия, а чуть позже были проведены большие облавы на еретиков, в результате которых многие были сожжены. Мужчины и женщины были вырваны из своих домов, чтобы сгнить в переполненных тюрьмах, и все же безжалостный понтифик упрекал инквизиторов в бездействии и подстегивал их к большей энергии. Один из церковников, святой Винсент Феррер, решился на смелую новинку и опробовал на себе действие доброты; но, хотя он обратил в веру многих людей, которые были готовы потерять часть своего имущества, чтобы спасти остальное, церковь с сомнением относилась к подобным экспериментам и методично продолжала свои сожжения. В 1393 году инквизитору Борелю из Гренобля приписывают, что за один день он привел на костер 150 человек. За этим выдающимся достижением последовало длительное затишье, и в 1478 году Людовик XI издал ордонанс, ограничивающий полномочия инквизиторов и четко

устанавливающий верховенство государства. Пять лет спустя смерть короля предоставила Церкви еще одну возможность, которой она быстро воспользовалась. Иннокентий VIII решил раз и навсегда подавить вальденсийскую ересь. Он приказал начать крестовый поход против еретиков, и после упорного сопротивления они покорились. В одной из долин многие из них укрылись в отдаленной пещере, но были обнаружены и задохнулись от дыма костров, разложенных в ее устье. Когда на трон Франции взошел Людовик XII, вальденсы вновь обрели свободу вероисповедания, пока во времена Реформации не влились в кальвинистское сообщество. Римская церковь так ненавидела мрачную веру Кальвина, что в 1538 году за ее принятие был сожжен Великий инквизитор.^[27] Несколько лет спустя Пий V приказал католикам убивать всех гугенотов, попавших в их руки.

Арагон и Кастилия.

Инквизиция была учреждена в Арагоне в 1238 году, но прошло немало времени, прежде чем она стала хоть сколько-нибудь эффективной. Гнездо катаров было выкорчевано в 1237 году, но сведения о нем скудны: главным инцидентом стало забивание камнями до смерти инквизитора жителями Ургеля, главного центра ереси. В начале XIV века борьба с ересью активизировалась, и папа Климент VI призвал королей Арагона и Наварры разыскать многочисленных вальденсов, бежавших из Тулузы. Примерно в середине века инквизиция была вовлечена в жаркий спор, возникший между орденами доминиканцев и францисканцев по одному из тех смертельно бесполезных вопросов, по которым в Средние века люди доводили себя до крайности. Францисканцы утверждали, что кровь Христа после его смерти остается на земле, и это предложение привело в ужас Папу и доминиканцев. После того как над этим интересным вопросом спорили 122 года, в Риме состоялся большой диспут, когда жар спорящих не умерила лютая холодная погода. Ни одна из сторон не смогла доказать свою правоту, но ни одна не уступила, и, поскольку Папа Римский в конце концов запретил дальнейшее обсуждение, жизненно важный вопрос о том, что стало с кровью Христа, остается нерешенным по сей день. В Арагоне ни корона, ни епископы не поддерживали инквизицию с особым рвением; сожжение еретиков было редкой роскошью, конфискаций было мало, и инквизиторам не удалось завоевать симпатии народа. Только в 1481 году, когда испанская инквизиция была поставлена на прочную коммерческую основу, преследователи стали проявлять большую активность и внушать глубокий ужас.

Кастилию инквизиция также мало беспокоила вплоть до второй половины XV века. В 1401 году папа Бонифаций издал буллу о пресечении ереси, но эффект был незначительным. Стоит отметить, что ересь заключалась не в том, что человек осмеливался думать самостоятельно (такая смелость была тогда редкостью в Испании), а в идолопоклонническом поклонении растениям, деревьям и камням - реликтам языческих обычаев, которым церковь неосмотрительно позволила сохраниться. Неприятие папской инквизиции продолжалось до тех пор, пока энергичные меры Фердинанда и Изабеллы не сделали ее проявление опасным и не сгладили путь ортодоксов.

Италия.

В течение двенадцатого и тринадцатого веков Италия находилась в таком состоянии анархии, вызванной постоянными войнами между мелкими государствами, что ересь нашла благоприятную почву, хотя работа инквизиции не была облегчена. Катаризм процветал в Ломбардии и распространялся по всей Европе. Его открыто проповедуемые доктрины вскоре были жестоко подавлены. Беженцы-вальденсы с юга Франции поселились в Коттийских Альпах, где поддерживали себя только за счет самой замечательной промышленности. Свободомыслящий император Фридрих II не откликнулся на настоятельные призывы папы

подавить еретиков, поскольку знал цену растущему числу хорошо воспитанных и трудолюбивых граждан.

Однако в 1224 году папа Гонорий назначил двух епископов с особыми полномочиями, которые они сразу же начали осуществлять. Первым результатом стало восстание в Брешии, в ходе которого было сожжено несколько церквей. Эти беспорядки были подавлены, а их зачинщики легко наказаны штрафами, и только после того, как Григорий IX передал дело в руки доминиканцев, был достигнут удовлетворительный прогресс. Власть епископата ослабла, и инквизиция могла использовать свои новые полномочия практически по своему усмотрению. Народ не приветствовал ее, а чиновники порой грубо обращались с ней, но постепенно ее хватка была ослаблена, во многом благодаря рвению и красноречию доминиканца Джованни да Виченца, который совершил бесчисленные чудеса, в том числе воскресил к жизни десять мертвецов. Этот человек, чье сожжение еретиков не испортило его великой репутации миротворца, был назначен вечным инквизитором в 1247 году и, как полагают, погиб в 1265 году во время крестового похода против Манфреда, короля Неаполя. Смерть Фридриха II в 1250 году лишила еретиков определенной защиты и устранила мощное препятствие для деятельности инквизиции. О том, как фанатизм подавляет гуманные чувства, свидетельствует фра Джованни Скио, который, будучи лично одним из самых мягких людей, мог после прекрасной проповеди о любви спокойно приказать сжечь заживо шестьдесят человек.^[28] Еще более примечательной фигурой является Петр Веронский, известный как Святой Петр Мученик, который был одним из самых известных инквизиторов. Его великие проповеднические дары и чудотворные способности были использованы для подавления ереси, которая в то время быстро росла в северной и центральной частях Италии. В Милане, а затем во Флоренции он продолжил святое дело сожжения, возглавил армию верующих и в двух смертельных битвах сломил силы ереси, а вместе с ней и гибеллинской партии, выступавшей против папства. Говорят, что Петр никогда не нарушал пост до захода солнца и большую часть ночи проводил в молитве, что, возможно, как-то связано с его гонительским рвением. Убийство этого благочестивого человека в 1252 году бандой еретиков, которых он довел до крайности, как ни странно, не привело к варварской мести убийцам, которые очень легко отделались. Одному из преступников, после должного раскаяния, позволили мирно умереть в качестве *беато* доминиканского ордена. Он даже причислен к лику святых в церкви, возведенной в память о человеке, которого он помог убить. Ни один из виновных, похоже, не был казнен, а один из них, хотя и был отъявленным еретиком, был заключен в тюрьму лишь через сорок три года. Вероятно, церковь поступила мудро, поскольку ореол мученика и чудеса святого в значительной степени пошли ей на пользу, а одним из первых результатов стало создание общества "Кроцесегнаты", или Рыцари Креста, из людей, занимающих высокое положение, которые поклялись на святом кресте посвятить свою жизнь истреблению ереси и еретиков. Это общество, имевшее отделения в большинстве итальянских городов, оказывало большую помощь инквизиции и просуществовало до XIX века.

Другой энергичный фанатик, Райнерио Сакконе, бывший католик, расширял власть Священной канцелярии, поддерживаемый неоднократно папскими буллами и назначением новых инквизиторов. Этим усилиям препятствовал Эццелин да Романо, чья дурная слава была, возможно, несколько преувеличена, и который, как правитель, обладал по крайней мере одним хорошим качеством - он не допускал религиозных преследований. В 1241 году он был осужден как еретик - эта операция несколько раз повторялась безрезультатно, пока, наконец, в соответствии с освященным временем обычаем, против него не был организован крестовый поход, одна из папских булл которого содержала положение о том, что лица, уличенные в владении украденным имуществом, могут получить

отпущение грехов, если они используют его для целей крестового похода. Поначалу победоносный, Эццелин в конце концов потерпел поражение и получил раны, от которых, отказавшись от любой помощи, умер. Победитель, Паллавичино, однако, не был другом инквизиции и, раздраженный неблагоприятным отношением к нему папы, использовал любую возможность, чтобы помешать инквизиторам продолжать свою работу. Паллавичино был вызван в папское присутствие для ответа за свою ересь, но, проигнорировав вызов, ввязался в войну и умер в 1268 году, будучи осажденным в одном из своих замков.

Несмотря на периодическое, но решительное сопротивление, инквизиция к этому времени была верховной на всем полуострове; временная власть церкви росла вместе с ее триумфом, а еретиков сжигали в огромных количествах. Едва ли было возможно, говорит один итальянский писатель, чтобы человек был христианином и умер в своей постели.^[29] В одном небольшом городке было предано смерти семьдесят человек, а в Пьяченце, как говорят, двадцать восемь повозок с человеческими существами. Любопытно, что после смерти одного человека, тайно распространявшего еретические взгляды и исповедовавшего себя благочестивым католиком, было зафиксировано множество чудес. Когда доказательства его неправославия были признаны неопровержимыми, они прекратились, а возникшая из-за его святости ссора продолжалась тридцать два года, пока папа не постановил, что обвинение в ереси доказано, что его кости должны быть сожжены, все его имущество конфисковано, а все продажи или передачи его объявлены недействительными.

В Неаполитанском и Сицилийском королевстве Карл Анжуйский, чье стремление к господству в Италии поддерживалось папством, учредил инквизицию около 1268 или 1269 года. Она строго следила за финансовыми результатами, но, хотя ее деятельность поначалу велась энергично, она не приобрела той компактной и эффективной формы, которой обладала на юге Франции. Еретиков иногда сжигали, но многие оставались без защиты, что говорит о некоторой неэффективности инквизиторов. В Венеции успехи преследователей были еще более скудными, поскольку Республика ревностно держала их в подчинении. Недостаток преследовательского рвения вызвал гнев Папы, но его императивные приказы выполнялись только таким образом, чтобы не нарушить верховенство государства. Оставляя за собой право контролировать конфискации, оно обязывалось лишь оплачивать расходы инквизиторов. Инквизиция переставала приносить доход, и ее упадок в Италии, как и во Франции, неуклонно продолжался в течение XIV и XV веков. Катаризм был практически искоренен, но вальденсы оставались упрямыми, сильными в своей простой вере и надежде, непрестанном труде и выносливых добродетелях. Несмотря на сожжение некоторых из них в 1312 году, они процветали в своих отдаленных деревнях, пока безжалостное преследование Григория XI в 1375 году не поредело их ряды и не отомстило за убийство двух инквизиторов. Примерно в середине XV века один ревностный священник в ходе одной вылазки сжег двадцать два еретика-отступника, имущество которых было конфисковано. Наступила передышка, но вскоре гонения возобновились, причем в форме крестового похода. Однажды пятеро еретиков были приговорены к сожжению, но им удалось бежать. Решив не упускать свою добычу, инквизитор сжег вместо них еще трех человек, чьи признания обеспечили им помилование. Вальденсы храбро сражались и однажды едва не уничтожили крестоносную армию, но в конце концов были побеждены. Многие эмигрировали в более спокойные районы, где вели шаткое существование до 1530 года, когда, как и их собратья во Франции, они влились в кальвинистское сообщество.

В Сицилии евреи были главным объектом деятельности инквизиции, но ее сила, хотя и стимулированная в середине XV века наглым подлогом инквизитора Палермо, не соответствовала ее амбициям; ее приговоры по-прежнему подлежали пересмотру

государством и в значительной степени сводились на нет противодействием народа, пока Реформация не придала новый импульс священному долгу преследования.

Босния.

Сила и упорство катарской ереси побудили Иннокентия III обратить номинальную верность славянской расы на юго-востоке Европы в окончательное подчинение господству Рима. Изгнанные с берегов Адриатики, катары Италии отправились в Боснию, где уже процветало значительное число их единоверцев. Хотя меч дополнял любовь к Богу, усилия Церкви привели лишь к временному повиновению. Под неустанным давлением Рима в тринадцатом веке в Боснию частями прибывали доминиканские инквизиторы, и мученическая смерть некоторых из них только разжигала рвение остальных. Святые крестоносцы разоряли страну, повторяя ужасы альбигойских войн. Раз за разом ересь внешне искореняли, но она вновь поднимала голову, как только давление ослабевало. Последовало более века безнадежной путаницы и распрей между доминиканцами и францисканцами, а также между ними и еретиками, а в 1331 году было обнаружено, что среди "христианского" населения все еще преобладает поклонение деревьям и фонтанам. О распространении ереси можно судить по тому, что в начале XV века катаризм стал государственной религией Боснии. Ситуацию осложнило вторжение турок, султану которых, Мухаммеду II, король подчинился после падения Константинополя в 1453 году, но не из-за преклонения перед исламом, а потому, что мог получить военную помощь от христианства только на условиях полного подчинения Риму, что означало свободу действий для инквизиции. При другом короле, отказавшемся платить оговоренную дань турецкому султану, страна была почти без борьбы завоевана османами. Большинство катаров приняли мусульманскую веру, и таким образом секта, просуществовавшая более тысячи лет, вымерла. Большинство православных покинули страну, чтобы не исповедовать свою религию в условиях мусульманской терпимости.

Германия.

В 1209 году было обнаружено, что епархия Страссбурга серьезно заражена ересью, и большое количество несчастных погибло на костре. В один из дней в этом городе епископские власти приказали сжечь восемьдесят человек, которые не смогли успешно пройти через испытание раскаленным железом. Катаризм был мало известен в Германии, и еретики в основном были вальденсами. Союзная им организация, известная как Ортлибенсы, или Братья свободного духа, основанная неким Ортлибом из Страссбурга, считала, что Бог является сущностью всех существ и невидим только через них. Из этого следовало, или считалось, что следовало, что человек, будучи воплощением духа Божьего, не способен на грех. Эта доктрина уничтожила не только весь аппарат теологии, но и всю систему обрядов, составлявших религию Церкви и источник ее богатства. А поскольку оно было достаточно широким, чтобы включить в возможность искупления самого Князя Тьмы, его сторонники стали известны как люциферианцы, и это название породило множество скандальных сообщений. Догматы Ортлибенса, несомненно, могли стать предметом злоупотребления, хотя мало что свидетельствует о том, что это было в какой-либо серьезной степени. Подстегиваемый Григорием, жестокий фанатик Конрад Марбургский, которого он назначил первым инквизитором Германии, продолжал преследования, не жалея сил, но его успехи не удовлетворяли безжалостного понтифика. Выдуманные признания с подробным описанием отвратительных и абсурдных оргий поклонения дьяволу, которые Конрад добывал у люциферианцев и пересылал Папе, доводили его почти до безумия от гнева, и преследование продолжалось с такой бешеной интенсивностью, что даже епископы протестовали против его чрезмерности. Конрад был сильно удручен оправданием

могущественного дворянина, графа Сайна, обвиненного в смертельном преступлении - езде на крабе! Во время этого правления террора были подавлены ортлибенцы, сожжены десять их лидеров, которые спокойно встретили свою судьбу; а через несколько лет после этого, 31 июля 1233 года, Конрад был убит. В этом случае также наблюдалась необычайная снисходительность Церкви к тяжким преступлениям: виновные были наказаны лишь отлучением от церкви. Как ни странно, церковь не сделала из Конрада Марбургского святого - то ли из-за его жестокого обращения со святой Елизаветой Тюрингской, то ли из-за непопулярности, вызванной его чрезмерным рвением, - история не знает. К чести немецких епископов, они отказались от публичного одобрения его действий. Другой гонитель Конрад, имевший большое отношение к смуте, был убит, а его помощник повешен. Число жертв этих людей неизвестно, но о том, что оно должно было быть большим, свидетельствует глубокое впечатление, произведенное в Германии гонениями. Следует отметить, что светский кодекс и епископские законы Германии предусматривали достаточное количество мер по пресечению ереси без обращения к инквизиции.

Доктрины ортлибенцев представляли собой смесь аскетических и пантеистических тенденций, которые, хотя сначала и были чистыми, впоследствии получили такое развитие, что стали прикрытием для аморальных практик. Первоначальный идеал, по-видимому, был достаточно хорошо сохранен, и сомнительно, чтобы были основания для обвинений, выдвинутых некоторыми итальянскими церковниками, в том, что идеи безгрешности и телесной наготы как состояния благодати были намеренно использованы для развращения женщин. Другая печально известная секта, называвшая себя Друзьями Бога, придерживалась дерзкой концепции, что евреи и мусульмане могут получить спасение, и отказывалась осуждать еретиков до тех пор, пока Бог терпит их.

Епископальная инквизиция была организована в Германии только в 1317 году и была направлена главным образом против бегардов (известных также как лолларды), которые происходили из Нидерландов и учили, что бедность является величайшей добродетелью. Против этих незлобивых людей архиепископ Кельна начал войну несколькими годами ранее. Женщины-еретики, известные как бегинки, подверглись жестоким преследованиям, хотя и не до смерти; говорят, что на смертном одре папа Климент V горько сожалел о том, что санкционировал судебные процессы против них. Вальтер Лоллард, самый опасный еретик рейнских провинций, был подвергнут ужасным пыткам в 1322 году, и, по специальному указанию Папы, он и многие его последователи погибли в огне, встретив свою судьбу с непоколебимым весельем. В 1353 году были предприняты новые попытки установить инквизицию в Германии, но безуспешно. Известная мания флагеллантов преследовалась как ересь, и многие люди были сожжены, а многие остались гнить в подземных темницах. Другая секта, называемая "Друзья Бога", ♦ принесла еще больше жертв, а во время великой чумы убийство евреев считалось угодным Богу. В 1369 году император Карл IV взял инквизицию под государственную защиту, и она была организована для работы, было назначено пять инквизиторов, хотя ей по-прежнему не хватало домов и тюрем. Несчастных бегардов и бегинки выселили из их домов, которые инквизиторы присвоили себе, разумеется, без выплаты компенсации, и не без сопротивления епископов, которые увидели угрозу своим прерогативам. Бегардам было позволено обнародовать свои взгляды с помощью трактатов, написанных на жаргоне; цензура, возложенная на Святую канцелярию, исправила это упущение. Епископы и гражданские власти возражали против огульного преследования, и им даже удалось добиться от Григория XI разрешения ограничить деятельность инквизиторов в отношении бегардов и бегинки. Некоторое время остававшиеся почти без защиты, вальденские еретики вновь заявили о себе, и с 1393 по 1397 год жестоко страдали от преследований. В Штайере в последний год было сожжено

более сотни вальденсов обоих полов. В 1414 году было обнаружено множество последователей Конрада Шмидта из Тюрингии, и девяносто один был сожжен в одном городе, сорок четыре - в другом, и еще больше - в деревнях этой провинции. Еще более ужасный случай произошел два года спустя, когда за один день на костре пострадали 300 флагеллантов, как кающихся, так и некающихся.

Превосходство епископата над инквизицией было подтверждено буллой Евгения IV в 1431 году, которая имела новаторский эффект: инквизиторы подлежали отлучению, если они вмешивались в дела епископов. Однако преследования продолжались до тех пор, пока во времена Реформации большинство еретических организаций не потеряли свою идентичность в результате распространения лютеранства. Одним из предшественников этого великого движения был Григорий Геймбургский, который в течение двадцати пяти лет смело писал и проповедовал против папства и злоупотребления церковью своей властью. Аналогичную кампанию вел Ганс из Никлаусхаузена, который провозгласил, что нечестие духовенства ведет к гибели мира. Он был схвачен епископским трибуналом Вюрцбурга, и его заставили замолчать в обычной манере. Несмотря на периодическую активность и большое количество сожжений в Германии, инквизиция так и не смогла закрепиться в этой стране; в Баварии она была официально учреждена только в 1599 году и недолго сохраняла власть. Если бы она была столь же сильна и эффективна, как в Испании, карьера Мартина Лютера была бы недолгой, а Реформация отложена на неопределенный срок.

Богемия.

В 1257 году, в связи с просьбой короля Богемии о помощи в подавлении ереси, в его владениях с санкции епископа была учреждена инквизиция и назначены два инквизитора. Народ, очевидно, считал их более чем достаточными, поскольку, когда в 1341 году еще один церковник был уполномочен действовать, он был быстро убит разгневанным населением. В XIV веке Богемия была одной из самых процветающих стран Европы, но состояние ее нравов было далеко не благополучным: духовенство, в частности, было мирским и развращенным, и почти повсеместно практиковало наложничество. Привилегии Церкви обычно продавались за деньги, а земля была полна бродяг, чьи церковные иммунитеты позволяли им играть в азартные игры, драться, пить и грабить в свое удовольствие. Требование Иннокентия VI в 1354 году десятой части церковных доходов империи, чтобы он мог вести свои итальянские войны, привело Германию в ярость. Скандальная моральная распущенность духовенства прошла почти без доказательств, но атака на церковные денежные мешки была гораздо более серьезным делом. Духовенство стригло свои стада без пощады, но против того, чтобы их стригли, возражали самым решительным образом. Прошло восемнадцать лет, прежде чем по булле Григория XI в Богемии была учреждена папская инквизиция, которая ограничилась пятью наиболее важными провинциями, а Прага была исключена. В Богемии появилось много предшественников реформатора Иоанна Гуса, а общее недовольство церковью породило мощное движение за свободу - движение, стимулированное влиянием Иоанна Уайклифа, чьи труды очень ценились в Праге. Уайклифф и его последователи смело учили, что Папа Римский - антихрист и что отлучения от церкви можно не принимать во внимание. Духовенство было наместником сатаны, а их церкви - логовом воров и обиталищем извергов. Любопытно, что инквизиция, неустанно преследовавшая вальденсов, похоже, не видела ничего особо предосудительного в доктринах Гуса. Во всяком случае, она не принимала никакого официального участия в его судебном процессе, который, однако, проходил по привычной инквизиторской процедуре. Полемика между ортодоксами и ересями теперь велась не столько по вопросам очищения Церкви, сколько по вопросам доктрины. Реформаторы утверждали, что притязания папы на власть ключей были либо

существенными для спасения, либо хитрой ложью, направленной на удовлетворение власти и корыстных интересов. Гусс был отлучен от церкви; и хотя он одержал победу в споре, его неосмотрительное упование на честь императора привело к ужасному концу в 1415 году. Нарушение Сигизмундом правил безопасного поведения было прямо рекомендовано и защищено духовенством на том основании, что, согласно закону, еретик не может ни ожидать, ни получать защиту, и что слово короля не может быть допущено для нанесения ущерба католической вере. С технической точки зрения это утверждение было вполне обоснованным, поскольку закон был в значительной степени церковным творением, отменявшим общепринятые представления о морали, и слово из Рима могло освободить людей от самых священных обязательств. Констанцкий собор, избавив мир от Иоанна Гуса и Иеронима Пражского, начал применять методы инквизиции ко всему королевству Богемия, не делая при этом никаких попыток остановить коррупцию, которая была главной причиной роста ереси. Булла Мартина V в 1418 году призывала прелатов и инквизиторов отслеживать еретиков и предавать их правосудию, а всем светским правителям предписывалось помогать в этом деле. В следующем году вспыхнуло восстание, и упорные фанатики соперничали с преследователями в жестокости. После десяти лет борьбы мир был восстановлен. Более умеренные из реформаторов приняли догматы церкви, а экстремисты твердо придерживались своих антисакердотальных взглядов. Их встретило новое возрождение фанатизма. Энергичный инквизитор, назначенный Папой в 1436 году, преследовал по всей Венгрии и Австрии с особой жестокостью, но подробных сведений о его жертвах не сохранилось. Из грубых и нищих гуситов возникла секта моравских братьев, которая существует уже 400 лет и по сей день, сохраняя среди тяжких испытаний и гонений простоту и чистоту своей веры.

Нидерланды.

В середине XVI века самой процветающей частью Европы были Нидерланды, или Низкие страны, которые включали в себя провинции, ныне составляющие королевства Голландия и Бельгия. Множество крупных городов украшали эти плодородные равнины, населенные энергичным и трудолюбивым народом, чья обширная торговля простиралась во все уголки земного шара. В Антверпене, банковском центре Европы, проживало почти столько же людей, сколько в то время в Лондоне; великолепные общественные здания свидетельствовали о вкусе, богатстве и гражданском духе его жителей. Муниципальные учреждения страны опережали все другие, и даже самые бедные слои населения жили в условиях, похожих на комфорт, а образование было настолько распространено, что едва ли найдется крестьянин, не умеющий читать и писать. Как и на юге Франции за 300 лет до этого, богатая и прогрессивная цивилизация была развита самостоятельным и независимым народом и создала предрасположенность к ереси, то есть стимулировала умы людей во всех сферах жизни, и ни в одной из них так сильно, как в религии. Церкви удалось уничтожить цивилизацию Лангедока. Она рьяно присоединилась к аналогичной попытке в Нидерландах. Но ей пришлось иметь дело с другим народом.

В 1520 году император Карл V, в чьи владения входили семнадцать провинций Нидерландов, издал первый из своих девяти эдиктов, призванных обеспечить религиозное единообразие. Они составляли полную систему преследований и включали в себя введение инквизиции, но не по испанской модели, с которой Карл был знаком, а в несколько менее эффективной и внушительной форме, учрежденной папством в XIII веке и усовершенствованной долгим опытом. Нидерланды настаивали на определенных гарантиях, таких как наделение инквизиторскими полномочиями мирян и подтверждение приговоров членами провинциальных советов. Император назначил верховного инквизитора для всей страны, и

эдикты стали выполняться настолько эффективно, что испанская организация стала излишней. Эти "плакарды", ♦, как их называли, были направлены против протестантизма, который добился значительных успехов среди людей, чей темперамент был очень привлекательным, и не был подавлен местными трибуналами епископальной инквизиции. По эдиктам Карла огромное количество людей было предано смерти за такие огромные проступки, как чтение Библии, насмешки над священной облаткой или даже неодобрительный взгляд на нарисованное изображение. Мотли утверждает, что в 1546 году венецианский посланник оценил число жертв в 30 000 человек, и большинство историков признают, что во время правления Карла от 50 000 до 100 000 человек были убиты за свои религиозные взгляды, и что по вине его сына Филиппа было казнено не менее половины этого числа.

Эти цифры, скорее всего, преувеличены, но они, по крайней мере, указывают на очень суровые и продолжительные гонения. Сами условия Эдикта 1550 года заставляют сделать такой вывод. Согласно им, такие преступления, как печатание, копирование, хранение или распространение трудов протестантов-реформаторов, разрушение образов, несанкционированное поклонение или обсуждение, публичное или частное, споры о Писании или его изложение, открытая или тайная проповедь, должны были караться смертью; "мужчин с мечом и женщин закопать заживо, если они не будут упорствовать в своих заблуждениях; если же они будут упорствовать в них, то их казнят огнем; все их имущество в обоих случаях конфискуется в пользу короны". ♦[30] Эдикт также запрещал оказывать подозреваемым еретикам какую-либо помощь или благосклонность и предусматривал, что лица, не обличившие их, подвергались тем самым тем же наказаниям, что и сами еретики. Чтобы предотвратить любое смягчение сердец судей, им запрещалось под угрозой суровых наказаний даровать или просить о помиловании, а также смягчать строгость своих предписаний.

Этот варварский эдикт, который лишь дополнил предыдущие постановления почти такой же жестокости, был возобновлен и подтвержден Филиппом II, когда в 1555 году он принял бразды правления после отречения императора от престола. Несмотря на вопиющую ошибку, допущенную при следовании советам своих духовных советников, Карл был способным и благоразумным правителем, который преследовал только по предполагаемым государственным причинам и не гнушался брать протестантов на службу, если они были подходящими людьми. Его назначение генерального инквизитора в Нидерландах было подтверждено папой Адрианом VI в 1522 году, таким образом, была учреждена папская инквизиция; но, поскольку чиновник был уволен за подлог, были назначены новые инквизиторы, чтобы следить за исполнением эдиктов. Они были уполномочены, ♦ говорит Мотли, "допрашивать, преследовать и наказывать всех еретиков, всех лиц, подозреваемых в ереси, и их покровителей". В сопровождении нотариуса они должны были собирать письменную информацию о каждом человеке в провинциях, "зараженном или сильно подозреваемом". Они были уполномочены вызывать всех подданных Его Величества, независимо от их ранга, качества или должности, и заставлять их давать показания или сообщать о подозрениях. Они должны были наказывать смертью всех, кто упорно отказывался от дачи показаний. Император повелел своим президентам, судьям, шерифам и всем другим судебным и исполнительным чиновникам оказывать всяческое содействие инквизиторам и их подручным в их святой и благочестивой инквизиции, когда от них этого потребуют, под страхом наказания как поощрителей ереси, то есть смертью. Если инквизиторы убедятся в ереси какого-либо человека, они должны были отдать приказ об его аресте и содержании под стражей судьей данного места или другим лицам, выбранным ими

по произволу..... В заключение император приказал "инквизиторам" дать понять, что они делают не свое дело, а дело Христа, и убедить в этом всех людей".❖[31]

Странное извращенное видение, которое могло увидеть дело Христа в безжалостной жестокости инквизиции, не нуждается в анализе. Подлый фанатик Филипп прилагал самые отчаянные усилия, чтобы сломить волю и принудить к покорности высокодуховный и решительный народ, среди которого догматы протестантизма добились значительных успехов. За подробностями ужасающих и почти невероятных ужасов, творимых инквизиторами, в частности чудовищем Тительманом, читателя отсылают к великой работе Мотли.

Гонения привели к последствиям, которые можно было предвидеть. Они вызвали бессмертное восстание Нидерландов. Ни о чем не говорили, кроме эдиктов и инквизиции. Ничто другое не входило в сознание людей. На улицах, в лавках, в тавернах, в полях, на рынке, в церкви, на похоронах, на свадьбах, в замке знати, у камина фермера, в подсобке механика, на бирже купцов - все это было лишь одной вечной темой для трепетных разговоров. Лучше, - шептали друг другу люди, - умереть сразу, чем жить в вечном рабстве. Лучше пасть с оружием в руках, чем быть замученным и зарезанным инквизицией".❖[32]

Знатные люди выступали против тирании правительства, а некоторые дворяне отказывались подчиняться эдиктам. Сначала спорили, хватит ли у Филиппа ума привести их в исполнение, но все сомнения в его намерениях развеялись после того, как инквизиция была официально провозглашена в каждом городе и деревне по всей стране. Нидерландцы скрепили свои сердца и приготовились сопротивляться до смерти. Как отмечает Мотли: "Они знали, что обязательства короля перед своими вассалами столь же священны, как и обязанности подданных перед государем".❖ Филипп не осознавал опасности, но, как и подобает деревянному фанатику, считал опасность дискредитации инквизиции большей, чем любые неудобства, которые могли возникнуть в результате ее строгости. Всеобщее возмущение стало настолько сильным, что Филиппа призвали изменить свои инструкции в некоторых важных пунктах, главными из которых были отмена эдиктов и упразднение инквизиции. Очень неохотно он согласился пойти на некоторые уступки, но об искренности его намерений можно судить по тому, что он отозвал папскую, но сохранил епископскую инквизицию, стимулируя последнюю к новым усилиям, и что он согласился смягчить наказание в виде смерти за ересь, хотя, учитывая вымогаемое у него обещание, он отказался его выполнять. Он написал своему посланнику в Риме, что это, возможно, лучшее решение, "поскольку отмена не будет иметь силы, если Папа, которым было установлено это учреждение, не согласится на его приостановку". Этот вопрос, однако, должен был храниться в глубокой тайне..... Папское учреждение, несмотря на официальные письма, должно было существовать, если только Папа не пожелает его уничтожить; и Его Святейшество за несколько недель до этого отправил архиепископа Сорренто в Брюссель для согласования секретных мер по укреплению Священной канцелярии в провинциях.❖[33] Суровость эдиктов Филипп отказался смягчить; его тайной решимостью было не только сохранить их в полной силе, но и так эффективно поддерживать инквизицию, чтобы все его подданные-еретики были истреблены, даже если это будет стоить ему королевства и жизни.

Все это время продолжались гонения, мужчин и женщин ежедневно пытали, обезглавливали, душили и сжигали заживо. Разве Церковь Христова проронила хоть слово протеста? Пусть ответит архиепископ Камбрейский. В перехваченном письме, написанном им кардиналу Гранвелю в 1565 году, содержатся такие слова: "Раз уж горшок раскрыт и вся готовка известна, нам лучше идти вперед и покончить со всеми главными еретиками, будь то богатые или бедные, не задумываясь о том, будет ли город полностью разрушен в результате

такого курса. Такое мнение я должен был бы высказать открыто, если бы не то, что нас, представителей церковной профессии, обвиняют в том, что мы всегда жаждем крови". ♦[34]

Еще более точное указание на общее настроение в Церкви содержится в резолюции, принятой на большом собрании правителей и дворян в том же году. На обсуждался вопрос о том, следует ли внести какие-либо изменения в обращение с еретиками. Все присутствующие светские врачи выступали за отмену смертной казни. Все церковники твердо придерживались противоположного мнения и единодушно решили, что не следует пытаться улучшить систему, которая до сих пор работала так хорошо, и что еретики должны подвергаться строгому наказанию, как и прежде. О том, что Филипп в полной мере разделял их жестокое рвение, свидетельствует его ярость, когда он узнал, что в мае 1567 года его представительница, герцогиня Пармская, издала указ, несколько смягчивший свирепость. Он приказал немедленно отменить его на том основании, что чрезмерное милосердие было непристойным и противоречило христианской религии. Милосердие заключалось в том, что еретиков разрешалось вешать, а не сжигать заживо. Этот королевский фанатик лично похвалил возмутительного Тительмана за его гонительскую энергию.

Когда принц Оранский, искренне защищавший дело свободы, в 1567 году уехал из Нидерландов в Германию, страна, пишет Мотли, "была абсолютно беспомощна, а народное сердце холодело от страха. Все люди, причастные к последним смутам или подозреваемые в ереси, бежали из своих домов. Беглых солдат преследовали в реках, рубили на куски в полях, вешали, сжигали или топили, как собак, без промедления и без угрызений совести. Наиболее трудолюбивая и ценная часть населения толпами покидала землю. Нашествие распространялось с такой быстротой, что казалось, Нидерланды быстро превращаются в пустыню, которой они были до христианской эры. По всей стране те реформаторы, которым не удалось спастись, укрылись в своих старых убежищах. Новая религия была изгнана из городов, каждый конвент был разогнан вооруженными людьми, проповедники и ведущие люди были повешены, их ученики избиты прутьями, доведены до нищеты или заключены в тюрьму, даже если им иногда удавалось избежать эшафота. Однако невероятное количество людей было казнено по религиозным причинам. Вряд ли найдется такая маленькая деревня, говорит антверпенский летописец, которая могла бы предоставить палачу одну, две или три сотни жертв. Новые церкви сровняли с землей, а из их древесины построили виселицы. Реформаторов считалось гениальным развлечением вешать на балках, под которыми они надеялись поклоняться Богу. ♦[35]

Проблемы становились все серьезнее и серьезнее и в конце концов вылились в открытый бунт. В 1567 году герцог Алва прибыл в Брюссель с хорошо укомплектованной армией испанских ветеранов и сразу же начал свою кровавую и жестокую карьеру. Когда через шесть лет он покинул страну, то, по слухам, мог похвастаться, что за это время по его приказу было казнено 18 600 человек. 16 февраля 1568 года инквизиция составила самый полный смертный приговор из когда-либо изданных, а через десять дней Филипп подтвердил его; все жители Нидерландов считались еретиками и были приговорены к смерти, лишь несколько человек были исключены по именам. Мотли, похоже, не сомневается в подлинности этого ужасного документа, но Прескотт утверждает, что не может найти никаких испанских записей о нем, и что о нем рассказывают только два голландских историка. В 1568 году восстание вспыхнуло всерьез и привело к той великой и славной войне, которая длилась с перерывами восемьдесят лет, в результате чего Низкие страны были освобождены от угнетателя, а один из самых благородных народов обрел независимость и религиозную свободу.

Духовные францисканцы.

Часть ордена мендикантов, основанного Франциском Ассизским, стала известна как духовные францисканцы, чья приверженность обетам бедности и чистоты вызывала неодобрение, поскольку отражала роскошь и моральную апатию, царившие в ордене в целом. Инквизиция взялась за дело, чтобы показать глупость чрезмерной праведности, и в XIV веке с духовными францисканцами расправились очень жестко. Двадцать пять из них были подвергнуты жестоким пыткам в 1318 году, а четверо были сожжены в Марселе за преступное несоответствие: они носили одежду из ткани и имели амбары и погреба. Законность владения имуществом была тогда одним из главных вопросов, волновавших Церковь, и люди рисковали быть сожженными, какого бы мнения они ни придерживались. Воодушевленные успехом, инквизиторы действовали с еще большей энергией. В Нарбонне епископы пытались защитить некоторых обвиняемых, но были подавлены угрозами инквизиторов. Три жертвы отправились на костер в 1319 году, семнадцать - во время Великого поста 1321 года и несколько - в следующем году. В Люнеле было сожжено семнадцать человек, в Безье - девять, а в Каркассоне в период с 1318 по 1350 год казнили 113 человек. Все они стали жертвами доминиканцев, но ортодоксальные францисканцы соперничали с ними в рвении: в 1323 году они сожгли 114 человек. Отступив от своей первоначальной умеренности, францисканцы превратились в энергичных гонителей, которые даже дошли до того, что сожгли человека за упорный отказ нарушить обет бедности и целомудрия.

Во второй половине XIII века по всей Европе царили большие волнения в религиозных вопросах, а легкое верие принимало странные формы. Ожидание, что вот-вот начнется эра Святого Духа, было распространенным и безобидным заблуждением, которое ортодоксы считали своим долгом искоренить. Без особого труда, с помощью сравнительно мягких методов и умеренных пыток, инквизиция покончила с небольшой сектой "гиллемитов", названной так в честь женщины, которой поклонялись как воплощению Святого Духа и на воскрешение которой после смерти возлагали большие надежды. Другие эксцентричные формы благочестия были подавлены лишь несколькими сожжениями, но эпизод с Дольчино в 1300 году был гораздо более серьезным делом.

Будучи человеком с выдающимися способностями, но придерживаясь любопытного набора религиозных взглядов, Дольчино вскоре был признан духовным главой общины, насчитывавшей несколько тысяч человек, которые называли себя апостолами. Успех его миссии был опасен для церкви, и папа Климент V объявил крестовый поход против него. Он и его последователи разбили лагерь на мрачной горной вершине в провинции Верчелли, поддерживая себя вылазками за едой в соседние долины. Три крестовых похода потерпели неудачу, но четвертый был успешным; после ужасных страданий, когда осажденные прибегли к каннибализму, гора была захвачена с беспощадной резней с обеих сторон, фанатики были разбиты, а их лидеры переданы светской власти и наказаны с максимальной варварской жестокостью. Прекрасную Маргариту, "сестру во Христе" Дольчино, отказавшуюся от помилования и предложения выйти замуж, медленно зажарили заживо на его глазах, а самого Дольчино жарким летним днем провезли на телеге через всю округу и постепенно разорвали на части раскаленными щипцами. Человек был настолько решительным, что перенес это ужасное обращение, даже не изменив выражения лица. Как ни странны были некоторые из догматов этих энтузиастов, в моральном смысле они были достаточно безобидны: их главными преступлениями были протесты против порочной жизни духовенства, успех в обращении в веру и утверждение, что Христос оставил Римскую церковь из-за ее нечестия. Считая чистоту жизни первым необходимым условием спасения,

они презирали формальности священнической религии и посвятили себя бедности, целомудрию и смирению.

В XIV веке великим вопросом, разделившим Церковь, был вопрос о бедности ее основателя, и перед ним пришлось уступить все остальные вопросы. Францисканцы осмелились сказать, что Иисус был очень беден в мирских благах. Доминиканцы, напротив, были уверены, что он обладал некоторым имуществом, хотя и не могли точно сказать, каким именно. По этому важному вопросу старая добрая церковь раскололась почти на две части. Не взирая на Писание, доминиканцы даже повесили на стенах своих монастырей картины, изображающие Иисуса на кресте, одна рука которого прибита, а другая кладет деньги в мешочек. Последний орден пользовался благосклонностью Папы, который с большим упорством преследовал францисканцев, а людей сжигал за еретические взгляды на предмет, о котором никто не имел ни малейшего представления.

После смерти главных защитников сравнительного здравомыслия в религии - Марсилио Падуанского, Уильяма Оккама и других - духовные францисканцы снова подверглись жестоким гонениям, а споры велись вокруг прав и привилегий Церкви и морального состояния духовенства. Известная секта Фратричелли утверждала, что настоящим еретиком является Церковь, которая своим дурным поведением породила ереси, за которые карала, и своими доктринами извратила умы простых верующих. Народные симпатии в их пользу были бессильны предотвратить наказание. Папы повелели инквизиторам преследовать, и примерно в середине века в Италии и Франции было сожжено несколько человек, причем многие, очевидно, в присутствии папы Николая V. Один из лидеров был сожжен по частям и пролежал три дня, прежде чем смерть освободила его от мучителей. Под влиянием этих жестких репрессий Фратричелли вымерли к концу XV века.

ГЛАВА V

РАЗНООБРАЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Политическая ересь.

Обвинение в ереси, которое легко выдвинуть и трудно опровергнуть, было полезным и эффективным средством нападения на политических врагов, тем более что не было другого преступления, за которое наказание было бы столь суровым. Крестовые походы против еретиков были обычным делом. До великой Альбигойской войны было совершено несколько крестовых походов против штедингеров из северо-западной Германии, безобидной секты вальденсов, которая была окончательно подавлена в двенадцатом веке. В течение трех последующих столетий папство начинало или санкционировало крестовые походы против Витербо, Экс-ла-Шапель, Арагона, Эццелина да Романо, Манфреда Сицилийского, Феррары, Венеции, миланских Висконти, гуситов, Маффреды и других. В этот период Италия была ареной почти хронических беспорядков, турбулентности и войн самого беспощадного характера. При взятии Чезены в 1376 году папский легат приказал предать мечу всех жителей без различия возраста и пола, после того как они впустили его и его бандитов в город под торжественную клятву не причинять им никакого вреда. Число убитых оценивается в 5 000 человек. ♦[36] В начале XIV века инквизиция вынесла многим знатным итальянским семьям приговоры ереси.

Искренние усилия Савонаролы по очищению Церкви и свобода его проповедей побудили папу выступить против него, хотя, как обычно, политические соображения также сыграли свою роль. Его судили по решению папской комиссии и в соответствии с формулами

инквизиции, хотя не похоже, что процесс официально проводился этим органом. Во всяком случае, он был сожжен в 1498 году, а после его смерти выяснилось, что его труды не содержали никаких определенно еретических взглядов.

Тамплиеры.

Очень важным делом четырнадцатого века был суд над тамплиерами, затянувшийся более чем на шесть лет. Некоторые из обвинений носили тривиальный и нелепый характер, другие предполагали следы ереси катаров и темные практики при посвящении неофитов, ни одно из которых не могло быть доказано, и все разбирательство было насмешкой над правосудием. Настоящим мотивом было желание короля Франции завладеть огромными богатствами Ордена, а грубо преувеличенные обвинения были выдвинуты с целью придать соответствующую окраску ходу "правосудия". ♦ Инквизиция приступила к работе и добилась многих признаний, разумеется, с широким применением пыток; о том, что они были суровыми, свидетельствует тот факт, что только в Париже под их муками погибли тридцать шесть тамплиеров, в Сенсе - двадцать пять, и еще многие в других местах. Зафиксированные свидетельства настолько недостоверны и противоречивы, что есть мало оснований сомневаться в невиновности обвиняемых. По всей Европе были назначены специальные инквизиторы; медленный процесс церковного законодательства, которое тогда санкционировало злоупотребления, от которых светская власть уклонялась, был ускорен Папой, епископы были покладистыми, государство - жадным. Король и Папа заключили соглашение, определяющее порядок распоряжения имуществом жертв. В лапах инквизиции орден Храма был обречен. После длительной череды судебных разбирательств он был осужден, а его имущество конфисковано. 12 мая 1310 года пятьдесят четыре тамплиера были сожжены в Париже, еще четверо - несколькими днями позже, и около двадцати - в других местах. В Лотарингии многие члены ордена пострадали на костре, в то время как в Германии жертв было сравнительно немного, некоторым в епархии Майнца посчастливилось добиться оправдания - вердикт, крайне неприятный для Папы. В Англии обвинение было сильно затруднено той особенностью английского законодательства, которая делала пытки незаконными. Эта трудность была преодолена по прямому указанию Папы; но, несмотря на определенный временный успех этого метода получения доказательств, ни один тамплиер не был предан смерти, и инквизиция не смогла утвердиться в этой стране. Вряд ли более удовлетворительными были результаты ее деятельности в Италии. Тамплиеров было немного; они упорно отстаивали свою невиновность и приводили доказательства, весьма благоприятные для их оправдания. Тем не менее, они были заключены в тюрьму, их имущество было конфисковано, а Папа в 1311 году дал срочные указания подвергнуть их пыткам, но с каким результатом - неизвестно. В Кастилии и Арагоне тамплиеры, несмотря на очередное папское распоряжение об их пытках и присутствие специальных инквизиторов, посланных для этой цели, были признаны невиновными в приписываемых им преступлениях; но их орден был распущен, а его имущество в Арагоне передано госпитальерам, на которых легло бремя их содержания. По всей Европе из Рима неоднократно поступали срочные приказы о пытках тамплиеров, и историк справедливо замечает, что эти папские буллы были "возможно, самыми позорными из всех, которые когда-либо исходили от наместника Бога". ♦ [37]

Масштабы процесса против тамплиеров можно оценить по тому факту, что когда папские архивы по приказу Наполеона были перевезены в Париж в 1810 году, в ящиках находилось 3239 документов, относящихся к процессу; и многие другие записи, как говорят, были проданы папскими агентами бакалейщикам как макулатура. На Вьеннском соборе, созванном в 1312 году главным образом для рассмотрения дела тамплиеров, папа сделал

все возможное, чтобы добиться их осуждения без слушаний; и, хотя ему это не удалось, орден был официально упразднен по его инициативе, а большая часть его имущества, как и в Арагоне, была передана госпитальерам, которые не желали поддерживать своих несчастных соперников. Оставшаяся добыча была поделена между королевскими и другими ворами, которые давно жаждали ее заполучить. Многие из главных тамплиеров были приговорены к вечному заточению, в ходе которого они сгнили до смерти. Двое главарей, де Моле и де Шарни, были медленно сожжены в Париже в марте 1314 года как еретики-рецидивисты на следующий день после их заявления о том, что они исповедовались только для того, чтобы спасти свою жизнь. Уничтожить таким образом самый богатый и могущественный орден Европы было бы невозможно без вмешательства Священной канцелярии.

Жанна д'Арк.

Когда в мае 1430 года Жанна д'Арк была захвачена Иоанном Люксембургским, он продал ее за 10 000 ливров англичанам, которые хотели, чтобы она предстала перед судом инквизиции. Они люто ненавидели ее, и Парижский университет охотно присоединился к их яростному преследованию героической девы. Пьер Кошон, епископ Бове, еще один из ее противников, председательствовал на суде, который открылся в феврале 1431 года; а поскольку предполагалось, что процесс будет недействительным без присутствия инквизитора, хотя сам Кошон номинально им являлся, Жан ле Мэтр, викарий Руана, выступал (неохотно, надо отдать ему должное) в качестве представителя инквизитора Франции. Суд был чудовищно несправедливым; доказательства в пользу Жанны были подавлены, а несколько опытных юристов и богословов упорно работали над тем, чтобы выманить у нее признание. Одно из чудес истории заключается в том, что эта необученная крестьянка раз за разом сбивала с толку своих преследователей, просто и правдиво отвечая на их хитроумно составленные вопросы. В конце концов, измученная их неумолимым упорством, она отреклась и была приговорена к вечному тюремному заключению. Англичане были в ярости и предприняли отчаянные усилия, чтобы добиться ее смерти. Найти предлог было нелегко, но его нашли в ее переодевании. Джоан соблазнилась тем, что ее обычное мужское платье оказалось в пределах досягаемости. Она надела его; воспользовавшись ее неосторожностью, это было расценено как формальный рецидив ереси, и через два дня благородная и невинная освободительница своей страны была сожжена заживо на рыночной площади Руана, к вечному позору Франции и Англии.

Колдовство и магия.

Невозможно понять жизнь Средневековья, если не помнить о том, что мужчины и женщины повсеместно придерживались негласной веры в реальность сверхъестественного и злых духов, которые вечно искушали их на зло. Идея естественного права была неизвестна, поэтому не было заметно, что эта вера противоречит представлению о разумном космосе или нарушает идею человеческой ответственности, поскольку предполагала, что в своих действиях человек виноват не сам, а добрые духи или демоны. Однако именно человек получал наказание. Считалось, что воздух наполнен духами; их можно было увидеть в виде пыли, мотыльков в солнечном луче или в падающем дожде. Звуки ветра, столкновения предметов, бегущие ручьи и ревущие катаракты были голосами духов. Из текстов Писания, таких как Бытие vi, 5, Лука iv, 7 и других, был сделан логический вывод, что общение между ангелами и людьми не просто возможно, но и постоянно происходит.

Поначалу инквизиция не имела и не претендовала на юрисдикцию в отношении общения со злыми духами. Церковь, правда, иногда оказывалась более разумной, чем люди: в 1279 году эльзасская монахиня была бы сожжена крестьянами за колдовство, если бы ее не спасли

несколько монахов. Вопрос о пресечении этого преступления был поднят в 1257 году, и еще до истечения многих лет было признано, что инквизиция обладает определенной юрисдикцией в этом вопросе. Астрология вскоре привлекла ее внимание и была причислена к ереси. Петр из Абано, кажется, был первым, кто подвергся преследованию, и его сожгли бы как еретика, если бы он не принял меры предосторожности и не умер сначала обычным способом. В 1324 году астролога Чекко дат Асколи заставили отречься, но, будучи достаточно неосторожным, он был сожжен три года спустя. В начале XIV века несколько человек были отлучены от церкви за колдовство, и растущая вера в реальность и серьезность этого преступления была в значительной степени стимулирована папой Иоанном XXII.

В Ирландии ревностный францисканец завел дело на леди Алису Кайтелер, якобы одну из самых могущественных колдуний в мире; и хотя леди сбежала в Англию, ее служанку нещадно бичевали, пока она не призналась в целом ряде нелепостей, после чего ее сожгли. Преследования ослабли, когда в 1330 году Папа вывел колдовство из-под юрисдикции Священной канцелярии, но народная вера продолжала существовать и распространяться, а светские суды достаточно строго относились к преступникам. В 1390 году две женщины, после того как их два или три раза подвергли жестоким пыткам безрезультатно, в конце концов признались в обвинении в изготовлении любовного фильтра и были сожжены. Первые процессы о колдовстве в Англии проходили в гражданских судах, снисходительность которых не одобрялась церковью; поэтому в 1407 году Генрих IV передал это преступление под церковную юрисдикцию, которая, естественно, извлекла из этого максимальную пользу и подготовила благоприятную почву для колдовских заблуждений.

Одним из самых необычных случаев в истории является дело Жилья де Реца (или Раиса), который в 1440 году был обвинен в святотатстве, детоубийстве, сношениях с демонами и других преступлениях, смахивающих на ересь. Жиль де Раис, маршал Франции, был богатым и влиятельным бароном Бретани, чья экстравагантность вовлекла его во множество трудностей. Он был благочестив в том, что касалось соблюдения религии, необычайно культурен, страстно любил дорогие книги, картины, музыку, драму и другие виды искусства. Занимаясь оккультизмом, он настойчиво искал философский камень, с помощью которого, как он полагал, можно было бы обрести неограниченное богатство, что позволило бы ему не отказываться от пышных показов и расточительности. Но была и гораздо более мрачная сторона его характера. Он имел обыкновение нанимать агентов, как женщин, так и мужчин, чтобы выманивать детей у родителей, которые их больше никогда не видели. Эти исчезновения стали настолько многочисленными, что возникли подозрения, и де Раис наконец был арестован и предстал перед епископом Нанта и вице-инквизитором епархии. Он был признан виновным, но приговор не был вынесен. Сразу же после этого его судили в светском суде и приговорили к повешению и сожжению вместе с двумя слугами, которые были соучастниками его ужасных преступлений. Если не принимать во внимание народные преувеличения, приписывающие ему бесчисленные жертвы, есть основания полагать, что 140 детей были изувечены и убиты, а их тела брошены в ямы. Говорят, что "его аппетит был настолько развращен, что главное удовольствие он находил в предсмертных муках своих жертв, над страданиями которых он злорадствовал, искусно калеча их и затягивая пытки. После смерти он критиковал их красоту со своими доверенными лицами, сравнивал одну с другой и с упоением целовал головы, которые доставляли ему наибольшее удовольствие. ♦[38] Однако это чудовище умерло со словами благочестивого назидания на устах и уверенностью в спасении. Под угрозой пыток он свободно признался в преступлениях, достаточных для того, чтобы предать смерти 10 000 человек. Его отвели в церковь и дали отпущение грехов, а казнь состоялась на следующий день. Необычайное

злодеяние этого человека произвело глубокое впечатление на суеверных жителей Бретани, где в последующие века его стали отождествлять с Синей Бородой из детской сказки Перро, оригинал которой, как утверждают некоторые авторы, принадлежит ему, возможно, потому, что у него было семь жен, хотя он владел только одной. Заслуга Священной канцелярии в том, что она приняла участие в привлечении этого изверга к ответственности.

Растущая вера в колдовство и демонологию в пятнадцатом веке придала дополнительную силу длинной руке инквизиции, ведь ведьмы по необходимости были еретиками. Поначалу к ним относились сравнительно мягко, светские суды, очевидно, первыми стали применять в таких случаях наказание в виде сожжения. Но вскоре инквизиция сравнялась с ними по суровости и дала обвиняемым меньше шансов на спасение. Венеция, однако, была менее энергична в этом вопросе, чем большинство государств, так как в 1486 и 1521 годах она навлекла на себя гнев папства, отказавшись сжечь некоторых ведьм, осужденных инквизицией. В 1474 году несколько женщин были сожжены в Пьемонте за колдовство, но дела двух других, которые могли нанять собственного адвоката, были переданы в Турин и, как предполагается, были оправданы - этот факт, по-видимому, свидетельствует о благоразумии инквизиторов, которые выбирали адвоката для защиты и отлучали его от церкви в случае успеха.

Из Водуа, или ведьм Арраса, несколько человек после жестоких пыток были сожжены в 1460 году, первым пострадал отшельник в Лангре; семь человек были преданы смерти в одном *auto de f*© в июле того же года. Многие ведущие и богатейшие люди Арраса были арестованы; признания, от которых некоторые из них впоследствии отказались, выбивались из них пытками, и всего было сожжено двенадцать человек из тридцати четырех задержанных. Через некоторое время эпидемия легковерия утихла, и инквизиция прекратила дальнейшие преследования; но процветающий город Аррас понес огромные убытки из-за конфискаций и паники, которая нарушила его торговлю. Возвращение к здравому смыслу произошло главным образом благодаря тому, что сыну одной из жертв удалось подать апелляцию в Парижский парламент (предыдущие апелляции были подавлены), который после короткого расследования, длившегося тридцать лет, издал указ о реабилитации некоторых обвиняемых и назначил крупный штраф организаторам преследований. Было принято постановление о том, что пытки в будущем должны быть запрещены. Это "вероятно, единственный случай в истории, когда инквизитор предстал перед судом, чтобы ответить за свои официальные действия". ♦[39] Таким образом, в общественное сознание начал проникать здоровый скептицизм. Несколько человек были обвинены епископом Амьенским, который их оправдал; еще одного оправдал архиепископ Безанский; третьего судил трибунал, состоявший из архиепископа Реймского, епископа Парижского, инквизитора Франции и нескольких экспертов-теологов. Он был не только оправдан, но и получил разрешение на судебное преследование своих обвинителей с целью возмещения ущерба и убытков. В августе 1460 года был сожжен бедняк, сошедший с ума на почве колдовства.

На ранних стадиях вера в колдовство искусственно стимулировалась церковью и процветала в атмосфере невежества и страха перед невидимым. Если бы церковь решительно пресекла растущее суеверие, вместо того чтобы стимулировать его всем авторитетом Святого Престола, христианство могло бы избежать бесконечного кровопролития и страданий". ♦[40] Каждый инквизитор был агентом распространения этой веры, а церковь усердно обучала ей. Итальянский инквизитор в 1485 году сжег сорок одного человека за колдовство в одном из районов Гризонов - подвиг, который порадовал историка Шпренгера; а булла Иннокентия от 1484 года дала ощутимый импульс суеверию: за пять лет в одном

небольшом немецком городке по приказу Шпренгера и его коллеги-инквизитора было сожжено сорок восемь человек. Сомневаться в реальности преступления означало оспаривать авторитет церкви; помогать обвиняемому - препятствовать инквизиции. У женщины, обвиненной в колдовстве, было мало шансов спастись, ведь если ее защита производила благоприятное впечатление на судей, то они тоже считались околдованными, и мало кто из них решался пойти на такой риск. Признания, сделанные под жестокими пытками, конечно же, были многочисленны и впоследствии использовались как доказательство реальности преступления. Небольшое недоверие, которое существовало, исчезло перед "*Malleus Malficarum*" Шпренгера, который Леа назвал "самым грозным памятником суеверия, который создал мир". ♦ С совершенной добросовестностью и абсолютной верой в истинность одержимости демоном, Шпренгер привел подавляющую массу доказательств, которые никто в те времена не мог опровергнуть или оспаривать. Эта ужасная книга, остававшаяся признанным авторитетом по данному вопросу на протяжении более чем столетия, чрезвычайно стимулировала веру, которая, как замечает Леа, является "процессом чисто естественной эволюции из принципов, которые удалось установить Церкви". ♦ [41] В течение 200 лет Церковь делала все возможное для продвижения этой веры. Папа Каликст в 1457 году приказал пресечь колдовство, а в конце века Александр VI призвал инквизитора Ломбардии проявить большее рвение в своей работе. В начале XVI века Юлий II определил полномочия инквизиторов и выдал их помощникам индульгенции, подобные тем, что давали крестоносцам. Таким образом, гонения привели к естественному эффекту - большому возрождению суеверий в Северной Италии. В 1510 году инквизиторы сожгли 140 человек в Брешии, а четыре года спустя - 300 в Комо.

Шабаша ведьм были широко известны в Средние века, и, по некоторым данным, на этих странных сборищах иногда присутствовало более 25 000 человек. Учитывая опасность, которой они подвергались, такая популярность кажется достаточно необъяснимой, чтобы предположить, что эти рассказы происходят из чистого заблуждения. В округе Валькамоника инквизитор сжег семьдесят ведьм и еще столько же отправил в тюрьму, в то время как подозреваемых и обвиняемых насчитывалось 5 000 человек, что составляло примерно четвертую часть населения долин. Венецианский сенат посчитал, что это заходит слишком далеко, но его протест вызвал лишь резкие возражения со стороны Папы Льва X и новые приказы о преследовании. Сенат ответил достойным и рациональным документом, в котором говорилось, что обвиняемые должны иметь справедливый суд с правовыми гарантиями, что пытки должны быть прекращены, что расходы инквизиции должны быть в умеренных пределах, что жадность к деньгам не должна быть причиной для преследования, и что чрезмерность, в которой обвиняют инквизиторов, должна быть расследована. Этот документ, "памятник внимательной мудрости и здравого смысла", ♦ был проигнорирован, и христианство погрузилось в бессмысленную, бредовую оргию суеверий и жестокости. Между безумием католиков и безумием протестантов выбирать было практически не из чего. По крайней мере, в одном они были согласны, и примечательно, что Кальвин использовал аргументы инквизиторов для оправдания преследований. Говорят, что в Женеве в течение трех месяцев было сожжено 500 человек, в Тулузе - 400 (некоторые утверждают, что 1500), в Бамберге - 600, в Вюрцбурге - 900 за один год - и все это в XVI веке. Савойский сенат в свое время осудил 800 человек. То, что холодная весна 1586 года была вызвана колдовством, было доказано признаниями виновных, и за это преступление архиепископ Тревесский сжег 118 женщин и двух мужчин. Этот город, кажется, превзошел все остальные по своим жестокостям. По словам Леки, там было сожжено 7 000 человек за колдовство, но он не уточняет, за какой период эти цифры. Инквизитор Парамо, писавший в XVI веке, хвастается, что с 1404 года Святая канцелярия сожгла до 30 000 человек, которые, если бы их оставили в

покое, "привели бы весь мир к гибели".[42] Этот Парамо защищал секретность инквизиции на том основании, что Бог был первым инквизитором и что в тайне судили Адама и Еву.

Интеллект и вера.

Религия, возмнившая себя хранилищем полного и окончательного откровения, обладающая ключами от невидимого мира и рассматривающая каждое сомнение как ересь, порожденную дьяволом, на практике, естественно, превратилась в огромную машину для преследования. Когда умственная деятельность стала преступлением, а любая попытка расширить знания - актом восстания против Бога, стало ясно, что прогресс человечества остановился. Никто не может сказать, какой прогресс был бы достигнут, если бы не существовало инквизиции; то, что она сотни лет держала Европу в умственном оцепенении и делала все возможное, чтобы сделать царствование глупости вечным, не подлежит сомнению. Чего мог достичь великолепный мозг Роджера Бэкона - предмет для спекуляций. Оспаривается, но похоже на правду, что за свои передовые взгляды он был заключен в тюрьму и умер в плену; но, как бы то ни было, несомненно, что церкви удалось помешать человечеству извлечь пользу из его исследований. Ни о каком современном свободомыслии не могло быть и речи, но отчетливые подступы к нему были сделаны в двенадцатом веке Аверроэсом, чьи особые догматы гласили, что материя несотворенна и вечна, что душа умирает вместе с телом, и только коллективное человечество бессмертно, и что все религии имеют человеческое происхождение и, хотя и являются полезными стимулами к добродетели, содержат лишь относительную истину. Эти доктрины, на которые смотрели как на смертельную ересь, удивительным образом предвосхищают некоторые из спекуляций нашего времени. Примечательно, что в тех жестких условиях, которые преобладали, аверроизм должен был распространиться так быстро, как он распространился, но это могло только среди ученых; и в тринадцатом веке, который в некоторых отношениях был более развитым, чем пятнадцатый, эти мнения произвели незначительное впечатление на народные умы. Если бы это впечатление было более глубоким, результаты могли бы быть в некоторых отношениях более катастрофическими. Всеобщее невежество было столь велико, что преждевременный отказ от ортодоксальной веры мог бы стать поводом для еще более вопиющей моральной разнузданности, чем существовала на самом деле, и тем самым укрепить руки гонителей. Система, которая считала все религии неистинными, особенно религию христиан, которые ежедневно ели своего Бога, вполне естественно должна была исходить из бездонной ямы, и удивительно, что инквизиция долгое время оставляла аверроизм в покое. Герман из Райсвика, самый известный преемник Петра из Абано, будучи приговорен к вечному заточению, продолжал распространять свои заблуждения, а в 1512 году был сожжен в Гааге по приказу инквизиции. Очевидно, что временами существовала значительная свобода слова, иначе Лаврентий Валла вряд ли смог бы в середине XV века оспорить "Доношение Константина" или заявить, что папство должно быть лишено своей временной власти. Валла дешево отделался простым заявлением, что он верит в то, во что верит Мать-Церковь, хотя Мать-Церковь, добавлял он, ничего об этом не знает. В конце концов этот неугомонный спорщик получил церковную синекуру в Риме и умер в мире. Несколько других неверующих избежали привычной гибели в силу своей умственной независимости. Одна из аномалий церковной истории до Реформации заключается в том, что в то время как самые незначительные отклонения от ортодоксии неумолимо подавлялись, философский гуманизм, едва ли отличимый от откровенного атеизма, был в моде среди интеллектуальных классов, даже среди тех, кто состоял в духовных орденах, и часто оставался безнаказанным. Сочинения знаменитого Раймона Люлли - возможно, самого объемного автора, которому приписывают 321 том, - привели его к конфликту с инквизицией, и долгое время после его смерти в 1315 году Эймерик, инквизитор Арагона,

добивался осуждения его памяти. Частично это удалось сделать в 1620 году, хотя главной целью Люлли было подавление ереси аверроизма, а многочисленные чудеса, сотворенные его останками, свидетельствовали о его святости. Не многие деятели Средневековья удостоивались сомнительной чести быть одновременно еретиком и святым.

В 1331 году папа Иоанн XXII заключил в тюрьму английского священника, который утверждал, что святые после смерти сразу попадают в присутствие Бога. Эта доктрина, известная как "Трупное видение", вызвала гнев Папы, но впоследствии, после споров, едва не стоивших ему тиары, он был вынужден согласиться с ней в силу общего мнения в ее пользу. Последовали годы ожесточенных споров на тему, о которой никто ничего не знал, и она даже стала вопросом, имеющим серьезные политические последствия, поскольку монархи того времени осмеливались расходиться с мнением папы. Инквизиция поддержала народную точку зрения и сделала вопросы на эту тему важной частью допросов, адресованных несчастным людям, предстающим перед ее трибуналом.

О доктрине непорочного зачатия, чисто догматическом развитии, распространилась еще одна масса суеверий, породившая ожесточенные споры: францисканцы и доминиканцы ссорились так яростно, что в 1482 году в Италии вспыхнули народные волнения на эту загадочную тему, о которой, как предполагалось, все должны были что-то знать. Теория о том, что Дева Мария с момента своего зачатия никогда не разделяла греховных наклонностей простых смертных, была чем-то вроде новинки, и доминиканцы, отвергавшие ее, опирались на традицию, но они были побеждены растущей силой нового суеверия. Итальянский священник, который в 1504 году утверждал, что Христос был зачат в сердце Девы Марии, был схвачен инквизицией и едва спасся от смерти на костре. Особое явление самой Девы Марии, которая выразила свое раздражение этой доктриной, вызвало огромную сенсацию, пока не выяснилось, что это явление было трюком, подстроенным доминиканцами, и четверо виновных были сожжены. Только в 1854 году, после пяти веков борьбы, доктрина была официально провозглашена как формальный акт веры, когда доминиканцы послушно начали находить доводы в ее пользу. Казалось бы, логически вытекает, что предполагаемый отец Девы Марии был причастен к ее рождению не больше, чем Иосиф к рождению Иисуса, но за поддержание этого тезиса один человек был осужден совсем недавно, в 1876 году.

Цензура книг.

Несмотря на то, что ересь распространялась с помощью печатных книг, прошло немало времени, прежде чем инквизиция была признана наиболее удобным инструментом для их контроля и подавления. Первым папским посланием по этому вопросу стала булла Григория XI в 1376 году, предписывающая инквизиции изучать и осуждать подозрительные сочинения, но каковы были результаты, неизвестно. Архиепископ, сжегший в Праге некоторые труды Джона Уайклифа, был уличен в превышении полномочий, и только в начале XVI века была организована регулярная цензура, и то лишь в Германии. Однако инквизиция была готова взять на себя дополнительные обязанности и в конце концов ввела правило, согласно которому любой человек, обладающий книгами, вызывающими сомнения в ортодоксальности, должен в течение восьми дней передать их епископу или инквизитору своего округа под страхом серьезного подозрения в ереси. О том, что церковь больше стремилась сохранить свои привилегии, чем способствовать развитию религии, можно судить по тому факту, что переводы на жаргон любых частей Библии были запрещены. Поскольку вскоре обнаружилось, что распространяются книги, содержащие еретические

доктрины, было сочтено целесообразным запретить печатать что-либо без предварительной проверки Священной канцелярии, папских и епископских властей. Однако религиозный мир настолько дезорганизовался в результате Реформации, что эти меры предосторожности оказались малоэффективными, и только после того, как Церковь вернула себе большую часть своей власти в ходе контрреформации, удалось установить действительно строгую цензуру.

Греческая церковь.

Хотя один папа, Бонифаций VIII, издал буллу, согласно которой все люди, включая членов греческой церкви, обязаны подчиняться римскому понтифику, по отношению к этому неразумному, но могущественному сопернику обычно сохранялось благоразумное и терпимое отношение. Бродячие члены греческой общины, случайно оказавшиеся в Западной Европе, временами преследовались как еретики, а в 1351 году всем грекам было предписано раз в год исповедоваться и принимать причастие по латинскому обычаю. Любой, кто после этого указа нарушал его, становился еретиком-рецидивистом и не имел права на пощаду. Однако эффективное принуждение огромной религиозной организации, каждый член которой в глазах Рима был еретиком, оказалось слишком трудной задачей для ортодоксальной церкви, и инквизиция не смогла использовать великолепные возможности для преследования, которые предоставляла Восточная Европа с ее разнообразием рас и религиозных идей. Поэтому церковь была достаточно благоразумна, чтобы придерживаться политики, столь же мягкой и терпимой, сколь и новаторской.

Индюльгенции и симония.

Скандал в деле истинной религии, сопровождавший продажу индульгенций, был настолько известен во всей Европе, что удивительно обнаружить, что это злоупотребление, наносящее глубокий ущерб Церкви и общественной морали, не было сочтено заслуживающим решительного пресечения. Правда, иногда эта практика официально осуждалась, как, например, когда папа Александр IV наделил инквизиторов полномочиями бороться с этим злом. Но Леа утверждает, что, насколько ему удалось выяснить, только один человек был судим инквизицией за это распространенное преступление. Он признал, что имел привычку говорить чудовищные небылицы и наполнять суеверных людей абсурдом, но сомнительно, что его наказали - если и наказали, то лишь легкой епитимьей. Удивительная снисходительность Церкви к этому обороту, конечно, объяснялась тем, что он приносил весьма существенную прибыль; но если бы папы потратили на внутреннюю реформу Церкви хотя бы сотую часть той энергии, которую они направили на подавление мелких разногласий, Реформацию, возможно, удалось бы предотвратить. Именно Реформация сделала необходимым то моральное обновление, которое продлило влияние Церкви и до сих пор является одним из главных элементов ее силы.

Поразительным доказательством человеческого эгоизма и того, насколько он ослепляет человечество к его собственным недостаткам, является тот факт, что инквизиции никогда не поручали уничтожить симонию (которая, как ересь, входила в ее юрисдикцию), и что она никогда не вызывалась сделать это - факт, который очень ясно показывает, что, с точки зрения христианской церкви, мораль имела ничтожное значение по сравнению с верой. Один или два Папы с неподдельным рвением и огромной энергией старались искоренить это зло, но безрезультатно. Эта практика была очень выгодна для Церкви в финансовом плане, ее пагубные моральные последствия игнорировались, и похвальные желания одних понтификов пресекались другими, менее щепетильными. Все церковные должности, от высших до низших, были практически проданы с аукциона. Папа Иоанн XXII даже разработал

шкалу, по которой отпущение грехов за симонию можно было получить по самым низким рыночным расценкам. Распространенность этого преступления была, пожалуй, главной из всех причин, способствовавших деградации христианской церкви. В этой связи будет интересно привести умную и смелую сатиру, популярную в XIII веке: "Вот начинается Евангелие.

Здесь начинается Евангелие по серебряным знакам. В те дни папа римский говорил римлянам: Когда Сын Человеческий придет к престолу нашего величия, прежде скажи ему: Друг, зачем ты пришел? И если он будет стучать и не даст вам ничего, то вы ввергните его во тьму внешнюю. И случилось так, что некий бедный клерк пришел ко двору господина папы и возопил, говоря: Помилуйте меня, привратники папы, ибо рука нищеты коснулась меня. Я беден и голоден; молю вас помочь моей беде. Тогда они разгневались и сказали: Друг, нищета твоя погибнет с тобой; отойди от меня, сатана, ибо ты не знаешь запаха денег. Истинно, истинно говорю тебе, что ты не войдешь в радость Господа твоего, пока не отдашь последнего своего гроша.

Тогда бедняк ушел, продал свой плащ и свою шубу и все, что у него было, и раздал кардиналам, привратникам и камергерам. Но они сказали: Что это за человек среди многих? И выгнали его за ворота, а он горько плакал и не мог найти ничего, что могло бы его утешить. Тогда пришел ко двору богатый дьяк, толстый и широкий и тяжелый, который в гнев своем зарезал человека. Сначала он отдал привратнику, потом камергеру, потом кардиналам; и они думали, что получают еще больше. Но господин папа, услышав, что кардиналы и слуги получили много подарков от привратника, заболел до смерти. Тогда богач послал ему элексир из золота и серебра, и тотчас же он исцелился. Тогда господин папа призвал к себе кардиналов и слуг и сказал им: Братья, берегитесь, чтобы никто не обольщал вас пустыми словами. Я подаю вам пример: как я беру, так и вы берите".^[43]

Скупые люди благодаря невероятно плохой системе получили возможность превратить религию в общественную опасность. Священники, сбивавшие женщин с пути под предлогом, что общение со святыми мужчинами не греховно, развращенные миряне, религия, оторванная от морали, - все это составляло состояние общества, в котором существовали опасения, что нечестие духовенства спровоцирует народ на восстание против него, а возможно, и навлечет на мир окончательный приступ Божественного гнева. Добрые люди спрашивали, почему Бог не вмешивается, чтобы спасти свою Церковь от гибели. Но вмешательства не последовало.

ГЛАВА VI

НЕЖНОЕ ИСКУССТВО ОБЕЛЕНИЯ

Если инквизиция действительно была тем благотворительным учреждением, которое представляют некоторые ее апологеты, то необычно, что их защита столь слаба, а признания столь пагубны. В основном, они утверждают, что ересь - это преступление против общественного порядка, что Святая канцелярия воплощала тенденции эпохи, что ее методы были не хуже, чем у светских властей, а даже лучше их, и что Церковь нельзя упрекнуть в бесчеловечности. Утверждается, что практика инквизиции, хотя и строгая вначале из-за необходимости, была изменена опытом в сторону мягкости и милосердия, и что частые апелляции к Риму предполагали уверенность в снисходительном слушании.

Так, преподобный Х. Бальмес, испанский писатель, который в своей книге *"Европейская цивилизация"* защищает инквизицию в целом в довольно рассудительном и терпимом духе,

утверждает, что инквизиторская "строгость" была результатом чрезвычайных обстоятельств - влияния духа народов и суровости обычаев в Европе того времени.€◆[44] Ни один знаток истории не станет отрицать, что в этом утверждении есть доля истины, хотя, естественно, он ожидал бы, что христианская церковь приложила бы гораздо больше усилий, чем она сделала, чтобы смягчить "суровость обычаев". Ее представления об общественном порядке были несовместимы с личной свободой. И любопытно, что когда в Южной Франции большинство людей были еретиками, они не проявляли склонности к преследованиям, хотя обладали властью. Все события, движения и личности человеческой истории обязательно являются следствием их предшественников; но, если мы не хотим освободить всех людей от ответственности за их действия, мы не можем оправдать инквизицию от преступлений величайшего масштаба. Возможно, она была создана из самых лучших и чистых побуждений, но, хотя опыт и показал ей, что она прекрасно осознает ужасное зло, вытекающее из ее процедуры, она сознательно увеличивала его. Все действия добродетельных людей не являются хорошими действиями, и если при применении на практике определенных теорий обнаруживается, что они приводят к пагубным последствиям, на их носителей ложится священное обязательство пересмотреть свои взгляды в свете накопленного опыта. Бакл справедливо утверждает, что одни лишь моральные чувства не справляются с задачей предотвращения преследований. Если нравственные чувства оказываются на стороне того, что ошибочно считается истиной, искренность преследователя лишь делает его еще более опасным для общества. То, что инквизиторы отличались неизменной и неподкупной честностью, может быть доказано различными способами и на основании различных и независимых источников доказательств".€◆[45]

Признавая общую истинность этого замечания, следует помнить, что инквизиторская система способствовала серьезным злоупотреблениям со стороны чиновников, честность которых была далеко не "неизменной". Бакл добавляет: "Факты убедительно доказывают полную неспособность моральных чувств ослабить религиозные преследования". Великим антагонистом нетерпимости является не человечество, а знание. Именно распространению знаний, и только им, мы обязаны сравнительному прекращению того, что, несомненно, является величайшим злом, которое люди когда-либо причиняли своему роду. Ведь то, что религиозные преследования - это большее зло, чем любое другое, очевидно не столько из огромного и почти невероятного количества известных жертв, сколько из того факта, что неизвестных должно быть гораздо больше, и что история не дает отчета о тех, кто был пощажен в теле, чтобы страдать в уме. Мы много слышим о мучениках и исповедниках, о тех, кто был убит мечом или сожжен в огне; но мы мало знаем о еще большем числе тех, кто под угрозой гонений был вынужден внешне отказаться от своих истинных взглядов, и кто, будучи принужден к отступничеству, которое ненавидит сердце, провел остаток своей жизни в постоянном и унижительном лицемерии. Именно это является настоящим проклятием религиозных гонений. Ведь таким образом люди вынуждены скрывать свои мысли, и у них вырабатывается привычка обеспечивать себе безопасность ложью и приобретать безнаказанность обманом. Таким образом, обман становится жизненной необходимостью, неискренность превращается в повседневный обычай, весь тон общественных чувств омрачается, а количество пороков и заблуждений страшно возрастает. Конечно, у нас есть основания сказать, что по сравнению с этим все остальные преступления не имеют большого значения; и мы можем быть благодарны за тот рост интеллектуальных занятий, который уничтожил зло, которое некоторые из нас даже сейчас хотели бы восстановить.â€◆[46]

Несмотря на значительное улучшение знаний, однако, основная часть христианской церкви по-прежнему считает, что преследование ошибочных доктрин не является злом, и по-прежнему официально учит, что их распространение должно караться смертью. Один доминиканский священник в 1782 году яростно доказывал, что "повеление во

Второзаконии xiii, 6-10, истреблять без пощады всех, кто совращает верующих с истинной религии, почти буквально является законом Святой Инквизиции; и продолжал доказывать на основании Писания, что огонь - это особая радость Бога и надлежащее средство для очищения пшеницы от плевел".€[47]

Пожалуй, было бы слишком далеко утверждать, что все инквизиторы были людьми неподкупной честности. С самого начала мотив религиозного рвения был смешан с желанием личной или корпоративной выгоды, и была изобретена сложная система преследования и вымогательства, которая позволяла реализовывать обе страсти, в результате чего многие страдали, чтобы удовлетворить немногих.

Бальмез замечает, что "римская инквизиция никогда не приводила в исполнение смертные приговоры... факты показывают разницу между папами и протестантами. Папы, вооруженные трибуналом нетерпимости, не пролили ни капли крови; протестанты и философы проливали ее потоками.â€[48] Цель этой наглой лжи - просто набрать очки против протестантизма. То, что протестанты активно преследовали, когда у них была власть, никто не оспаривает; в течение долгого времени они не понимали своих собственных принципов. Но у них было меньше власти и меньше возможностей, чем у Римской церкви. Точная степень вины этих двух тел не может быть определена здесь. Ни одна церковь, кроме Римской, никогда не учреждала инквизицию. На предыдущих страницах было показано, что папы много раз официально объявляли крестовые походы против христиан, отвергавших часть их учения; что они прямо приказывали пытать и предавать смерти людей; что на протяжении всего Средневековья церковь оказывала доминирующее влияние на государство и, хотя и проявляла угрызения совести в отношении реального пролития крови, настаивала на том, чтобы светская власть причиняла смерть в форме, бесконечно более болезненной, чем смерть от меча. Таким образом, образованный писатель может фактически утверждать, что, поскольку человек не убивает своей рукой, а побуждает другого убить за него, он не несет моральной ответственности за преступление. Какой гражданский кодекс признает такую доктрину? Эта уловка лишь добавляет лицемерия к жестокости. Заметим, что папы были "вооружены трибуналом нетерпимости". "Факты" безошибочно показывают, кто создал этот трибунал. Они с такой же ясностью показывают, как он использовался. Следует также отметить, что в этом отрывке Бальмез умалчивает о том, что инквизиция активно действовала в течение 300 лет до того, как стало известно о протестантизме, и что ее самые ужасающие эксцессы совершались против тех, чье нравственное чувство было возмущено поведением духовенства.

Правда, со временем практика инквизиции стала более мягкой. Но утверждать это как заслугу - значит фальсифицировать очевидные исторические факты. Уменьшение суровости объясняется двумя основными причинами, и ни одна из них не отражает особой заслуги преследователей. В Лангедоке и Испании инквизиции удалось истребить практически всех еретиков в королевстве, так что поле ее деятельности постепенно сужалось. Инквизиция перестала сжигать еретиков только тогда, когда их больше не осталось. А определенная склонность к более мягким наказаниям стала неизбежной благодаря улучшению светской морали, которое вряд ли могло быть делом рук Церкви, серьезно его тормозившей. В других странах распространение знаний привело даже некоторых церковников к пониманию бесполезности преследований, а когда эта точка была достигнута, они убедились в их бесчеловечности. С таким же успехом Бальмез мог бы утверждать, что угасание мании колдовства объясняется доброжелательным духом охотников за ведьмами.

Следует отметить важное признание, сделанное Бальмезом. Я вижу, - замечает он, - что с самых ранних времен, когда церковь начала оказывать политическое влияние, ересь стала

фигурировать в кодексах как преступление; и я никогда не мог обнаружить периода полной терпимости". € [49] Это означает, что дух нетерпимости, так быстро развившийся в церкви, заразил и государство. Этот факт не подлежит сомнению, но он лишь служит дополнительным свидетельством пороков экклезиастического. Никто не станет отрицать, что христианская церковь еще никогда не демонстрировала миру "период полной терпимости". €

Дальнейший аргумент Бальмеса, что инквизиция уберегла Испанию от "опасностей" иудаизма и протестантизма, также может быть признан как отражающий факты, хотя из него необходимо сделать выводы, отличные от его собственных. Материальное процветание Испании было бы неизмеримо выше, если бы евреям было позволено свободно реализовывать свои деловые способности и исповедовать свою неагрессивную веру; если бы протестантизму была предоставлена свобода, которую он обеспечил в других странах, дело духовной религии должно было бы получить поддержку. Что касается того, что инквизиция предотвратила гражданскую войну, то, если бы церковь усвоила идею терпимости, гражданская война из-за религиозных разногласий была бы невозможна. Но даже эта серьезная опасность была бы меньшим злом, чем угасание свободы, медленное удушение интеллектуальной жизни, пренебрежение наукой и упадок торговли, которые фактически стали результатом политики инквизиции. Гражданская война была бы, по крайней мере, признаком жизни. Инквизиция же означала смерть.

Пожалуй, самым известным и наиболее обстоятельным апологетом инквизиции, если говорить об Испании, является граф Жозеф де Майстр (1754-1821), мирянин-романист, придерживавшийся ярко выраженной церковной точки зрения, чьи большие способности были омрачены склонностью к парадоксам и догматизму. Его *"Письма к русскому джентльмену об испанской инквизиции"* полны живых специальных аргументов, которые озадачивают, но не просвещают читателя. Его основные аргументы сводятся к трем пунктам: (1) испанская инквизиция была чисто светским учреждением; (2) она не приговаривала к смерти; (3) она не наказывала за выражение мнения по вопросам религии.

По поводу первого пункта де Местр заявляет: "Инквизиция, в силу булл Суверенного Понтифика, и король, в силу своей королевской прерогативы, составляют власть, которая регулирует и всегда регулировала трибуналы инквизиции - трибуналы, которые одновременно являются и королевскими, и церковными; так что, если одна из этих двух властей отступит, действие трибунала будет обязательно приостановлено" (стр. 8). Как это явное признание того, что испанская инквизиция была одновременно государственной и религиозной организацией, согласуется с утверждением, что она была "исключительно королевским учреждением", остается выяснить читателю. Де Местр фактически разрушает свое собственное утверждение. Еще более эффективно его опровергает более поздний и лучший авторитет. Доктор Пастор признает, что испанская инквизиция была "смешанным, но преимущественно церковным учреждением". Тот факт, что осужденные передавались в руки светской власти, свидетельствует о правильности этой точки зрения. Если бы испанская инквизиция была государственной инквизицией, королевским судом, в этом не было бы необходимости. Суд, неизменно передающий тех, кого он признает виновными, светской руке для наказания, сам по себе не может быть светским трибуналом. Именно церковный характер новой инквизиции заставил ее судей отказаться от исполнения смертных приговоров и следовать обычаю, всегда соблюдавшемуся церковной инквизицией, - просить, чтобы с заключенным "обошлись помягче" - формальность, предписанная каноническим правом. € [50] Формула милосердия, конечно, никого не обманула. В другом месте доктор Пастор говорит: "Важно отметить, как важный факт, влияющий на характер

этого института, что "не только церковное разрешение первых инквизиторов, но и первые предписания относительно способа процедуры исходили непосредственно от Папы".^[51] Леа утверждает, что инквизиция даже требовала отмены всех гражданских статутов, которые она не одобряла.^[52] Но если ответственность за создание испанской инквизиции лишь частично лежит на Папе, то в случае с институтом, о котором идет речь в данном очерке, вопрос о разделенной ответственности не стоит. Она была создана, возобновлена и контролировалась на каждом шагу папством.

Второе утверждение де Местра заключается в том, что инквизиция не выносила смертных приговоров, но если она фактически это делала, то просто следовала практике всех других трибуналов, которые обязательно имели право выносить смертные приговоры за тяжкие преступления. Все трибуналы приговаривают к смерти", - говорит он, добавляя: Церковь настолько отвращается от крови, что священник не может быть хирургом, чтобы его освященная рука не пролила кровь пациента" (с. 11). Утверждать, что трибунал, печально известный своей склонностью к чрезмерным наказаниям, освобождается от моральной ответственности, опуская определенную форму слов, принимая при этом все возможные меры предосторожности для обеспечения безжалостного наказания, - чистое суеверие. Этот аргумент - нечестная подмена, которая "напрягает мышку и глотает верблюда". "Освященная рука" была слишком свята, чтобы практиковать искусство спасения жизни, но не слишком свята, чтобы использовать неосвященную руку для ее уничтожения. В этой связи де Местр подробно останавливается на снисходительности Рима, который часто протестовал против суровости законов, направленных против ереси. То, что иногда проявлялась мягкость, - правда, но при этом забывается, что Рим сам - как доказывают папские буллы, предписывающие пытки, - был в значительной степени ответственен за суровость. О том, что мягкость не была вызвана избытком гуманных чувств, можно судить по дикой суровости, которая в тринадцатом веке стала характерной чертой канонического права. Если бы этот закон был образцом мягкости и любви, церковникам не составило бы труда превратить его в двигатель жестокости и преследований, мотивируя это тем, что забота о душе еретика делает необходимым и полезным наказание его тела. Как бы то ни было, предписания о милосердном обращении с еретиком так систематически сводились на нет, что их номинальной ценности можно придать очень мало значения. Инквизиторов редко упрекали в том, что они были рьяными преследователями. Вердикт де Местра о том, что инквизиция была "мягкой, терпимой, милосердной, носителем утешения во всех странах мира", звучит как ирония, но, вероятно, это было его искреннее убеждение. Полемические авторы иногда опустошают слова, лишая их всякого разумного смысла.

В своем третьем главном аргументе де Местр демонстрирует перепончатое копыто. Он утверждает, что люди справедливо наказываются, если они "наносят смертельные удары по религии своего народа", что "распространитель ереси должен быть причислен к величайшим преступникам" и что протестовать против наказаний инквизиции - абсолютное нечестие (с. 44). Если эти утверждения обоснованы, то бесполезно спорить о том, что инквизиция не наказывала за выражение еретических взглядов в религии. Она была создана именно для этой цели.

Следующего примера рассуждений де Местра, вероятно, будет достаточно: "Бог сказал, нам остается только верить. Религия, которую он установил, едина, как и он сам. Истина по сути своей нетерпима, поэтому исповедовать религиозную терпимость - значит исповедовать скептицизм, иными словами, исключать веру. Горе, тысячу раз горе, глупому безрассудству, которое обвиняет нас в том, что мы проклинали людей. Только Бог проклинает; только Он сказал Своим посланникам: *Идите, научите все народы! Верующий спасется, а*

неверующий будет проклят" (с. 72). Этот отрывок приводится лишь в качестве любопытного примера религиозных рассуждений столетней давности. К счастью для человеческого счастья, мир осудил эту точку зрения, отказавшись от нее. Прошел день для аргументов, стремящихся оправдать религиозные преследования, и для апелляций к сверхъестественному авторитету в поддержку иррациональных догм.

В наше время инквизиция нашла гораздо более разумного и справедливого апологета в лице монсеньера Селестена Дуэ, епископа Бове, который в 1906 году опубликовал научный анализ деятельности Священной канцелярии. Первое предложение этой работы гласит: "Инквизиция была учреждена папой, который один имел на это право", и "этот факт общеизвестен и признан". Епископ добавляет, что инквизитор Эймерих прямо говорит о том, что инквизитор - это не светский судья, а делегат, назначенный папой. Если в своем спокойном и сдержанном историческом изложении он нигде не осуждает организованное варварство системы, он свободно разоблачает ее недостатки и лишь вскользь защищает ее судопроизводство. Он скорее историк, чем апологет. Те немногие соображения, которые он приводит, имеют весьма незначительное значение; если они смягчают вину инквизиторской практики, то ни в коем случае не опровергают то огромное зло, которое она принесла. Так, он утверждает, опираясь на авторитет Эймериха, что имена свидетелей замалчивались потому, что, если против них была доказана смертельная вражда с обвиняемым, они должны были отказаться от участия в деле. На практике обвиняемый не получал никаких преимуществ от этого положения, поскольку он мог только догадываться о своем возможном враге, а инквизиторы были достаточно изобретательны, чтобы при желании доказать, что его догадки неверны. Затруднения для заключенного оставались, и можно предположить, что одной из причин чрезвычайной секретности было стремление сделать уступку бесполезной.

Монсеньер Дуэ утверждает, что церковное законодательство в целом было мягче светского и что пытки были запрещены канонами до 1252 года. Возможно, это и так, но именно папа в тот год настоял на применении пыток, и они были вновь прямо разрешены Иннокентием IV, Урбаном IV и другими папами. В этом, как и в других вопросах, бесполезно опираться на положения, которые обычно сводились на нет. Утверждение о том, что пытки применялись редко, возможно, является результатом слишком безоговорочного доверия к формулам. По словам М. Ланглуа, пытки стали настолько неотъемлемой частью обычного процесса, что их намеренно не фиксировали.^[53] Главное было добиться признания, а о способах было легко умолчать. В гражданских записях наблюдается та же особенность.^[54] Ни одно учреждение никогда не демонстрировало больших расхождений между теорией и практикой, чем инквизиция.

В том, что были приняты меры по смягчению и даже отмене наказаний, сомневаться не приходится. Но это делалось только в редких и исключительных случаях; решение обычно оставлялось на усмотрение инквизиторов, и стало практикой игнорировать все, что говорило в пользу обвиняемых.

То, что сотрудничество епископа епархии было необходимо для придания юридической силы инквизиторскому приговору, по мнению Монсеньера Дуэ, снимало с инквизиторов часть ответственности. Вероятно, иногда это делало процесс менее серьезным для обвиняемого, поскольку епископы не всегда разделяли непреклонность Священной канцелярии. Но этот аргумент лишь снимает часть ответственности с одного отдела Церкви и возлагает ее на другой. Несомненно, инквизиция была создана Римской церковью. Разумеется, это не было гарантией того, что правосудие восторжествует, но и не опровергает обвинения в том, что инквизиция была серьезной угрозой для цивилизации.

Больше всего епископ Дуэ подчеркивает, что передача еретика в руки светской власти была делом совершенно отличным от его дальнейшей судьбы, которая не касалась ни инквизиции, ни церкви. Было прискорбно, что людей сжигали заживо, но это было полностью делом гражданской власти. Церковь не могла исполнить приговор, который она не выносила; ее собственный приговор был всего лишь безобидным заявлением о том, что еретик отлучен от Церкви. И Церковь всегда особенно заботилась о том, чтобы просить о мягком и милосердном обращении с ним. Теперь же формула "без пролития крови" была известна как бессердечное и жестокое притворство. Инквизиция прекрасно понимала, к чему приведет передача еретика в руки светской власти. Если она возражала против того, чтобы людей сжигали заживо, если гражданская власть превышала намерения и желания Церкви, то почему Церковь никогда не произносила ни одного слова протеста? Обычно она посылала секретаря, чтобы проследить за тем, чтобы сожжение было проведено должным образом, а если это было не так, то сам магистрат подлежал наказанию за ересь.[55]

Наконец, монсенье Дуэ утверждает, что инквизиция, благодаря своему мудрому соответствию социальной справедливости того времени, преуспела в сокращении ереси и "отделила светскую власть от духовной области Церкви". €♦[56] Таким образом, соглашение, посредством которого Церковь заставляет государство выполнять свою грязную работу, называется "разделением". Экклезиаст видит разделение там, где другие люди видели бы союз. Это называется "примирением интересов Бога и Самого Самого".

Статья об инквизиции, написанная священником-иезуитом Джозефом Блетцером из Мюнхена, опубликованная в *"Католической энциклопедии"*, содержит одно или два утверждения, на которые можно обратить очень короткое внимание. Утверждение, что Церковь была более милосердной, чем государство, верно лишь в сравнительно редких случаях; но, учитывая претензии Церкви на Божественное происхождение, а также общий дух учения ее основателя, можно было бы ожидать, что разница будет гораздо более ощутимой.

Говорят, что ересь была в первую очередь политическим преступлением. Напротив, она была в первую очередь религиозным преступлением, что естественно вытекает из процветания Нидерландов, альбигойцев и других еретических общин, замечательное трудолюбие членов которых делало их ценнейшими гражданами. На протяжении всей позорной истории религиозных преследований именно церковь обычно подталкивала иногда неохотно идущее на попятную государство к подавлению ереси; именно церковь ворчала и запугивала правителей, заставляя их подчиняться ее воле. Они были глупцами, но подчинялись, часто под угрозой отлучения. Иногда у Церкви и ее любимого ведомства, Священной канцелярии, случались приступы сострадания, но это было исключением, подтверждающим правило. И обычно приступ наступал, когда на милосердии можно было заработать.

Церковь, как утверждается, предписывала в качестве наказания за ересь отлучение от церкви, но не смерть. Это верно только для отдельных периодов; в применении ко всей карьере инквизиции это часть обычного лицемерия. Церковь не любила термин "кровь", но проливала ее достаточно свободно; она редко использовала слово "смерть", но передавала еретика светской власти с совершенно ясным пониманием того, что наказанием должна стать смерть.

По словам отца Блетцера, общее мнение мирян сводилось к тому, что еретики должны быть сурово наказаны, и Церковь старалась смягчить это мнение. Если Церковь может похвалиться редкими приступами нежности, она также должна поквитаться за свою общую варварскую жестокость. Нельзя позволить ей "иметь и то, и другое". А в Средние века именно

духовенство было источником мнения мирян о ереси. Некоторые сомнения относительно процесса смягчения вполне естественны, если учесть папский указ 1184 года, о котором мы уже упоминали. Петру Кантору было приказано не предавать катаров смерти сразу же после вынесения церковного приговора по той важной причине, что Церковь не может быть скомпрометирована. Это свидетельствует о том, что Церковь осознавала свою причастность к этому процессу и к судьбе его жертв. В своих высказываниях по этим вопросам апологеты инквизиции проявляют немалое мастерство казуистики. *Католическая энциклопедия* смягчает пытки, говоря, что они предназначались не для наказания, а как метод получения правды. Человек на дыбе не смог оценить это различие. Поскольку пытки обычно приводили к ошибкам, инквизиторов нельзя похвалить за рациональность их методов. Апологеты инквизиции точно так же жонглируют и другими инквизиторскими терминами. Конфискация имущества еретика была просто способом покрытия расходов и издержек, связанных с его судом. Тюремное заключение, опять же, не было наказанием; это была не более чем полезная дисциплина, которая давала возможность покаяться.

Иезуитский писатель заключает, что "инквизиция знаменует собой существенный прогресс в современном отправлении правосудия, а значит, и в общей цивилизации человечества". Если предотвращение честного выражения мысли - это прогресс цивилизации, то утверждение справедливо. Если отправлению правосудия способствуют пытки, когда под воздействием боли люди готовы признаться в чем угодно, то правильность этого утверждения следует признать. Если сжигать заживо мужчин и женщин - это путь к увеличению человеческого счастья, апологет не дерзнет. Очевидно, Церковь еще не раскаялась и не извлекли пользу из ее собственного грязного прошлого. Она не стыдилась бы преследовать в двадцатом веке, если бы у нее была власть. На эту власть она претендует до сих пор, и право осуществлять ее вплоть до смерти по-прежнему сохраняется за ее защитниками.[57] В середине XIX века Рим все еще мог заключить в тюрьму викария Апостольской коллегии, принявшего протестантские взгляды.[58] В 1843 году генеральный инквизитор Анконы издал суровый указ против евреев, но не как отступивших христиан, а просто как евреев.[59]

Согласно этой авторитетной *энциклопедии*, инквизиция до сих пор сохраняет свое официальное существование и является "первой среди римских конгрегаций".€❖ "Когда нужно объявить о важных решениях", Папа "всегда лично председательствует" на ее заседаниях; но в наши дни необходимость в его присутствии может возникнуть нечасто. Инквизиция претендует на юрисдикцию над всеми христианами и даже (теоретически) над кардиналами Церкви, хотя на практике кардиналы, как и следовало ожидать, освобождены от любого нежелательного наблюдения.

....

Читателям, которые до сих пор следили за этим кратким рассказом об инквизиции, будет несложно составить о ней свое мнение. Является ли она тем учреждением, которое они хотели бы видеть восстановленным? Если допустить экстравагантное предположение, что все инквизиторы были людьми честными, добрыми, благонамеренными и совестливыми, то нас в первую очередь интересуют последствия системы репрессий, которую они так жестко насаждали. Мы должны судить, способствовала или не способствовала она счастью людей и прогрессу цивилизации. Интеллектуальная свобода не менее важна для прогресса, чем чистота нравов. Инквизиция, по крайней мере, временно уничтожила одну из них и уж точно не способствовала развитию другой. Знания растут благодаря тому, что ими делятся; одна идея приводит по ассоциации к другим; один отблеск истины становится яснее, как рассвет, когда наступает день; одно открытие дает ключ к другому. Подавить истину навсегда - это

выше человеческого ума, но попытки подавить ее имеют кумулятивный эффект, продлевая царствование невежества. Не от невежд можно ожидать интеллектуального величия, а в своем влиянии на общественную мораль чистое невежество является матерью большего количества преступлений, чем некоторые готовы признать. Возможно, инквизиторы не осознавали, какое зло несет в себе вековое удушение мысли; возможно, они не знали, что убийство идей - это преступление. Но их апологеты двадцатого века не могут ссылаться на это невежество. Они наслаждаются благами свободы и защищают гонителя! Они наживаются на героизме тысяч неизвестных верующих мужчин и женщин, погибших за религиозную свободу, и хотят вернуть мир в интеллектуальное рабство!

Нет более убедительного приговора инквизиции, чем заключительные слова ее главного историка: "Она ввела систему юриспруденции, которая заразила уголовное право всех стран, подвергшихся ее влиянию, и превратила отправление уголовного правосудия в мрачную насмешку на многие века. Он снабдил Святой Престол мощным оружием для политического возвеличивания. Он склонял светских государей к подражанию примеру и протипуировал имя религии для достижения самых низменных мирских целей. Она стимулировала болезненную чувствительность к доктринальным отклонениям до тех пор, пока самое незначительное диссидентство не стало способно вызвать безумную ярость и сотрясать Европу из конца в конец. С другой стороны, когда атеизм вошел в моду в высших кругах, его громы смолкли. Энергичный только во зло, когда его силы могли быть использованы на стороне добродетели, он держал себя в руках и давал людям понять, что единственными грехами, требующими возмещения, были сомнения в точности церковных знаний и соблюдение субботы. В ее долгой карьере крови и огня единственная заслуга, на которую она может претендовать, - это подавление пагубных догм катаров; и в этом ее деятельность можно считать излишней, поскольку эти догмы несли в себе семена саморазрушения, и высшая мудрость могла бы уповать на их самоуничтожение. Таким образом, беспристрастная история должна признать, что инквизиция была чудовищным отпрыском ошибочного рвения, использованного эгоистичной жадностью и жаждой власти, чтобы задушить высшие устремления человечества и стимулировать его низменные аппетиты.€ [60]

Это суровый, но, возможно, несправедливый приговор. Однако следует сделать некоторую поправку на обычаи нетерпимой и полуварварской эпохи. Апологеты католицизма оправданно утверждают, что инквизицию следует оценивать по отношению к тем временам, в которые она процветала. Но это не объясняет, как получилось, что многие люди, как в Церкви, так и вне ее, настолько опередили инквизицию, что не одобряли предания смерти людей за их религиозные взгляды. Если Фома Аквинский выступал за смертную казнь за ересь, то несколько выдающихся отцов Церкви осуждали ее, считая, что убеждение - лучший метод. Почему же не была принята более мягкая и древняя точка зрения? Самоубийственно признавать, что Церковь веками воздерживалась от пыток и смерти на том основании, что они несовместимы с духом христианства. Это утверждение явно подразумевает признание несовместимости духа христианства с расчетливой жестокостью, и если это признание было ограничено несколькими высшими умами, тем хуже для Церкви, которая не обращала на них внимания. В утверждении, что Церковь лишь с неохотой приняла роковую политику гонений, есть явная неискренность. Она настаивала на этой политике, часто вопреки уговорам государства. Она утверждала, что превосходит дух эпохи, но, по ее собственному признанию, уступила его влиянию. В действительности же она делала больше; она активно и спонтанно превращала преследования в изящное искусство и принуждала государство

исполнять ее приказы. Когда церковь оправдывает свою жестокость, ссылаясь на равную жестокость средневекового государства, она упускает из виду, что государство не преследовало мнение как таковое. Это делала христианская церковь.

Допустим, что инквизиторы - по крайней мере, первоначально - были людьми с добрыми намерениями, которые стремились продвигать религию, как они ее понимали. Возникает вопрос: правильно ли они понимали религию? Для них религия была полным и окончательным откровением Божественной воли; истинная вера могла быть только одна, как один Бог; все, кто пытался нарушить эту веру, какими бы благими ни были их намерения, были виновны в грехе, худшем, чем мирской бунт. Неужели нам нечему поучиться на примере их ужасной ошибки? Если судить по *Католической энциклопедии*, Римская церковь научилась не многому. Отношение инквизиторов не вызывает ни малейшего удивления, когда в двадцатом веке мы видим, что преследование защищается как религиозный долг. Другой автор, отец Гиро, повторяет утверждение де Местра о том, что только Римская церковь обладает истиной и поэтому имеет право быть нетерпимой.^[61] Дух ортодоксального клерикализма безошибочно проявляется в свойственной всем этим апологетам романизма тенденции прикрывать несколькими гладкими и казуистическими фразами самые ужасающие деяния хладнокровной жестокости, которые когда-либо видел мир. Содружество, говорит отец Гиро, "не может больше признать максимум неограниченной и разнузданной религиозной свободы, чем принять самоубийственный принцип иррелигии".[€][?]^[62] Это подразумевает, что между отказом от всякой религии и слепым принятием догматического авторитета нет никакого *промежуточного звена*, и подразумевает утверждение, практически идентичное утверждению инквизиции. Если религиозные преследования оправданы, когда дух эпохи позволяет это, то что мы должны думать о тех, кто оправдывает преследования в эпоху, которая считает их ошибкой и преступлением?

БИБЛИОГРАФИЯ

Ачилли, д-р Г. Г. Дела с инквизицией. 1851.

Addis and Arnold. Католический словарь.

Бальмез, преподобный Дж. Европейская цивилизация. 1868.

Бакл, Х. Т. История цивилизации в Англии. 3 vols.

Де Майстр, Ж. М. Письма к русскому джентльмену об испанской инквизиции. 1851.

Дуэ, К., епископ Бове. L'Inquisition. Париж, 1906.

Дрейпер, Дж. У. История интеллектуального развития Европы.

Ланглуа, К. В. История инквизиции в свете современных исследований. Париж, 1902.

Леа, Х. К. История инквизиции в средние века. 3 тома. 1906 г.

-- История безбрачия. 2 vols. 1907.

Лекки, У. Э. Х. История подъема и влияния духа рационализма в Европе.

Limborch, P. van. History of the Inquisition. 1816.

Milman, Rev. H. H. History of Latin Christianity. 9 vols.

Motley, J. L. The Rise of the Dutch Republic.

Pastor, L. Lives of the Popes. 12 томов. 1891-1912.

Prescott, W. H. History of the Reign of Philip II.

Puigblanch, A. The Inquisition Unmasked. 1816.

Ранке, Л. фон. История римских пап. 3 vols. 1908.

Rule, W. H. History of the Inquisition. 2 тома. 1874.

Tanon, L. Histoire des Tribunaux de l'Inquisition en France. Париж, 1893.

Вакандар, Э. Инквизиция. 1908.

Католическая энциклопедия.

Британская энциклопедия.

Еврейская энциклопедия.

WATTS AND CO., PRINTERS,
JOHNSON'S COURT, FLEET STREET,
LONDON, E. C.

ССЫЛКИ:

[1] Addis and Arnold, *Catholic Dictionary*, p. 776.

[2] H. C. Lea, *History of the Inquisition of the Middle Ages*, vol. iii, p. 630.

[3] Lea, p. 639.

[4] *Ibid*, p. 642.

[5] Там же, p. 644.

[6] Там же, p. 648.

[7] Lea, p. 643.

[8] Lea, p. 645.

[9] H. C. Lea, *History of Sacerdotal Celibacy*, vol. ii, p. 347.

[10] Там же, p. 319.

[11] L. Tanon, *Histoire des Tribunaux de l'Inquisition en France* (1893), pp. 290, 306.

[12] Lea, *Inquisition of Middle Ages*, vol. ii, p. 344.

[13] Там же, p. 330.

[14] Milman, *History of Latin Christianity*, vol. ix, p. 36.

[15] Lea, *Inquisition*, vol. iii, p. 644.

[16] Там же, том ii, p. 346.

- [17] Lea, *Inquisition in Middle Ages*, vol. i, p. 70.
- [18] Lea, *Inquisition*, vol. i, p. 85.
- [19] Lea, *Inquisition of Middle Ages*, vol. i, p. 225.
- [20] Организация средневековой инквизиции была практически такой же, как и испанской, хотя и менее эффективной, что объясняется в книге автора "*Испанская инквизиция*".
- [21] Lea, *op. cit.*, vol. i, p. 228.
- [22] Позднее доминиканцы стали называться *Domini canes*, или "псы Господни". €?
- [23] Гастингс, *Энциклопедия религии и этики*; ст. "Инквизиция". €?
- [24] Addis and Arnold, *A Catholic Dictionary*; art. "Инквизиция". €?
- [25] Lea, *Inquisition*, vol. i, p. 430.
- [26] *History of Latin Christianity*, vol. v, p. 316.
- [27] Addis and Arnold, *Catholic Dictionary*, p. 459.
- [28] Lea, *Inquisition*, vol. i, p. 240.
- [29] Ranke, *Lives of the Popes*, vol. i, p. 144.
- [30] Мотли, *Восхождение Голландской республики*, часть ii, гл. i.
- [31] Мотли, часть ii, гл. iii.
- [32] Там же, часть ii, гл. v.
- [33] Мотли, часть ii, гл. viii.
- [34] Мотли, часть ii, гл. v.
- [35] Мотли, часть ii, гл. x.
- [36] Lea, *Inquisition*, vol. iii, p. 204.
- [37] Lea, *Inquisition*, vol. iii, p. 318.
- [38] Lea, *Inquisition*, vol. iii, p. 472.
- [39] Lea, *Inquisition*, vol. iii, p. 530.
- [40] Lea, p. 534.
- [41] Lea, *Inquisition*, vol. iii, p. 544.
- [42] *Возникновение и влияние духа рационализма*, т. i, с. 3.
- [43] Lea, *Inquisition*, vol. iii, p. 625.
- [44] Balmez, *European Civilisation* (London, 1855), p. 186.
- [45] Buckle, *History of Civilisation*, vol. i, p. 187.
- [46] Buckle, p. 189.

[47] Lea, *Inquisition*, vol. i, p. 228.

[48] Balmez, *European Civilisation*, p. 185.

[49] Balmez, p. 181.

[50] Пастор, *Жизнь пап*, т. iv, с. 403-405.

[51] *Там же*, p. 402.

[52] *Inquisition*, vol. i, p. 385.

[53] C. Langlois, *L'Inquisition*, p. 65.

[54] L. Tanon, *Histoire des Tribunaux de l'Inquisition en France*, p. 377.

[55] Douais, *L'Inquisition*, p. 265 и далее.

[56] *Ibid*, p. 273.

[57] См. "Папы и их церковь", Дж. Маккейб, стр. 211.

[58] См. "Сделки с инквизицией" д-ра Г. Г. Ачилли (Лондон, 1851).

[59] *Ibid*, p. 392.

[60] Lea, *Inquisition*, vol. iii, p. 650.

[61] *Католическая энциклопедия*; статья. "Терпимость".

[62] *Там же*.
